

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ

ГРУППА
ОСОБОГО
НАЗНАЧЕНИЯ

Черный беркут

Михаил Нестеров

Группа особого назначения

«ЭКСМО»

Нестеров М. П.

Группа особого назначения / М. П. Нестеров — «Эксмо»,
— (Черный беркут)

Спецназовцев из подразделения «Черные беркуты» пули не берут... Такая ходит про них легенда. Но их нынешние противники – группа особого резерва организации «Щит» – профессионалы высочайшего класса. Захват заложников, продажа их чеченцам, выкуп – в общем, конвейер из заложников и денег – вот сфера их деятельности... Обманчива тишина за мощными стенами монастырского подворья... Приказ уже отдан. Скоро здесь загремят выстрелы, засвистят пули – «беркуты» начнут стремительную и последнюю атаку...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	16
Глава вторая	25
Глава третья	33
Глава четвертая	39
Глава пятая	47
Глава шестая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Михаил Нестеров

Группа особого назначения

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с действительным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное. Имена, события и диалоги не могут быть истолкованы как реальные, они – результат писательского творчества, не более. Взгляды и высказанные мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к религии, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

Пролог

Москва, 1996 год

Чай в бокале давно остыл. Леонид Зарецкий прикурил и машинально сделал пару мелких глотков. Поморщившись, отставил бокал в сторону и в очередной раз пробежал глазами короткий список. Последней в этом списке стояла фамилия Усманова. Усманов Геннадий Васильевич, 1961 года рождения, женат, имеет двоих детей, в настоящее время проживает в Москве. «Пожалуй, – подумал Зарецкий, – стоило составить список заново, не в алфавитном порядке, а согласно семейному положению». Но и в этом случае Усманов оказался бы последним в списке.

Двое детей... Мальчик шести лет и девочка, которой не исполнилось еще и года.

Перед Усмановым в списке значился Игорь Сухин: женат, ребенок дошкольного возраста... Тоже правильно. Выше – Манченко, 32 года, холост. Еще выше – семейный Василий Дмитриев. Первым в списке был Вячеслав Боков, в настоящее время холост, но около года назад вернулся к жене, с которой состоял в разводе, ждут пополнения, женщина на седьмом месяце беременности.

Зарецкий бросил короткий взгляд на стену – на ковре, тускло отсвечивая серебром, висел дорогой подарок из Англии: кавалерийский карабин с кремневым замком. Рядом с курком была изображена королевская корона, под ней две заглавные буквы: GR.

Да, дорогой подарок, уникальный, но сейчас, глядя на старинное оружие, Зарецкий не ощутил, как это было еще вчера, гордости от соприкосновения с историей. Генерал Элиотт, который разработал приспособление для предотвращения случайного выпадения шомпола из карабина, оставался там, где ему и положено быть, – в конце восемнадцатого столетия, а Леонид Зарецкий, полковник милиции, – в свое время, беспокойном, но таком же кровавом и беспощадном, где если не ты, то – тебя.

Напротив Зарецкого в кресле в вольной позе расположился Сергей Марковцев, который собственно и составил список претендентов на руководящую должность в группу прикрытия. Когда полковник сделает свой выбор, кандидат сам начнет комплектовать отряд, скорее всего из бывших боевых товарищей. Но так или иначе, все они будут неоднократно проверяться как самим Зарецким, так и Марковцевым. Последний мог назвать больше половины участников группы прикрытия, учитывая, естественно, кто из кандидатов будет выбран на роль командира.

Вот, например, Сухин мог набрать неплохую команду – Манченко, Усманов...

Снова Усманов... Последнее время хмур, недоволен, сторонится товарищей, как бы ушел в себя человек.

Что ж, видимо, все-таки придется остановиться именно на нем. Марковцев ждет ответа. Зарецкий бросил на него тяжелый взгляд из-под нахмуренных бровей. Подумал: «Надо было выписать каждого кандидата на отдельном клочке бумаги, перемешать в шапке и вытянуть наугад».

Лотерея... Причем экспресс-лотерея. Время даже не поджигает, а хлещет, как скаковую лошадь, вожжами; и глаза зашорены – смотреть только вперед. Да и сам не захочешь оглянуться, позади – бездна. А вперед еще можно бежать, пусть вдоль обрыва, но на хорошей скорости.

Женат... Двое детей...

Сам виноват.

Губы Зарецкого тронула кислая улыбка. Значит, Усманов, окончательно определился он. И подчеркнул его фамилию карандашом. Протянул листок Марковцеву. Тот взглянул и равнодушно кивнул головой. Сергей был согласен на любой вариант.

Марковцев поднял тренированное тело с кресла, разминая ноги, сделал приседающее движение.

– Инструктаж будешь проводить на даче, – сказал он, забирая со стола сигареты и зажигалку. – Позвонишь Усманову сегодня вечером, встречу назначь у станции метро «Варшавская». Я провожу его. И тебя заодно.

Зарецкий и Марковцев готовили крупную силовую операцию, оба вложили в нее все личные средства (включая купленную третьим лицом роскошную дачу в семидесяти километрах от столицы), от ее исхода зависела их судьба. «А после, – сказал накануне Марковцев, – хоть в монастырь подавайся». Сказал так, словно действительно имел твердые намерения постричься в монахи. Зарецкий откровенно удивился его вроде бы шутливому заявлению.

* * *

Геннадий Усманов познакомился со своим новым начальником всего час назад. Они встретились на заранее условленном месте, у станции метро «Варшавская». Усманов жил недалеко от гостиницы «Севастополь», на Юшуньской Большой улице, и на место встречи пришел пешком.

Его новый шеф, Леонид Михайлович Зарецкий, следовал за ним на машине. Усманов не успел пройти и десяти шагов к станции метро, как его окликнул мужской голос:

– Геннадий Васильевич?

Капитан оглянулся. У раскрытой двери черной «Волги» стоял высокий сухопарый мужчина лет сорока. На эту машину Усманов за время пути обратил внимание трижды: на углу Чонгарского бульвара и Ялтинской улицы, возле магазина «Сапожок» на Артековской и несколько секунд назад, когда сворачивал к станции метро.

«Волга» имела тонированные стекла, и капитан не смог сколько-нибудь точно определить, есть ли в салоне, кроме человека, окликнувшего его, еще кто-нибудь. Но, подходя к машине, он успел отметить, что подресорники довольно высоко держат ее над дорогой. «Может быть, в салоне есть еще один человек, – определился капитан, – не больше. И сидит он слева».

Такие мелочи были очень важны в его работе, и он отмечал их автоматически.

Незнакомец не двинулся с места, только указал рукой на дверь машины и уже в салоне, усевшись на водительское кресло, протянул капитану руку:

– Здравствуйтесь, Геннадий Васильевич. Я – полковник Зарецкий Леонид Михайлович.

Усманов ответил на рукопожатие, разглядывая полковника. У Зарецкого был высокий лоб, сидящие волосы зачесаны назад, нос прямой, острый, на чувственных губах играла

ничего не значащая полуулыбка. В какой-то степени его лицо интеллектуала портили светло-серые, почти водянистого цвета глаза, зрачки резким контрастом выделялись на них.

На Зарецком хорошо смотрелся дорогой костюм в еле заметную полоску, узел галстука был слегка расслаблен.

На Каширское шоссе полковник выехал через густую сеть Котляковских переулков и проездов и все это время хранил молчание. И, только выбравшись за Московскую кольцевую дорогу, спросил:

– Часто бываете в Иванове, Геннадий Васильевич?

– Только проездом, – сжато ответил Усманов. Эту неделю вместе с семьей он гостил у своей тещи, которая жила в «городе невест». Звонок от Зарецкого прозвучал именно в ее квартире.

На губах полковника снова проступила улыбка.

– А как чувствует себя ваш друг Виктор Климов? Он пока без работы?

– Вам лучше знать.

Усманов не умел подмазываться к начальству и ответил в том же тоне и с тем смыслом, с каким был задан вопрос. Полковник удовлетворенно кивнул. Похоже, он не ошибся в выборе, капитан спецподразделения войск правительственной связи именно тот человек, который ему необходим.

– Поговорим о Климове, – предложил Зарецкий, переходя на деловой тон разговора. – Давно его не видели?

– Встречались десять дней назад. Если более точно, то во вторник восьмого июля.

– Он не поделился с вами планами на будущее?

Поймав быстро брошенный взгляд полковника, Усманов покачал головой.

– Хорошо, – медленно проговорил Зарецкий, – отложим этот разговор, вначале определимся насчет вас. Не будем касаться темы вашего, надо сказать, незавидного положения: вас еще не уволили из подразделения, но и не допускают к работе. О вас лично я разговаривал с вашим начальником.

В общих чертах Усманов знал, для чего его вызвал Зарецкий. У капитана есть специальный допуск секретности, он умеет держать язык за зубами. И Зарецкий об этом знает, поэтому спросил о подразделении в лоб. Также он в курсе того, что сотрудники органов правительственной связи – будь то служащие или военнослужащие – находятся под особой охраной государства. К ним неприменимы административные задержания, личный досмотр, досмотр вещей, транспорта без участия представителя ФАПСИ. Сотрудникам этого органа разрешено ношение огнестрельного оружия.

– Мне поручено, – начал объяснения полковник, – в короткий срок создать отряд быстрого реагирования.

Здесь Зарецкий выдержал паузу. Для Усманова показалось лишним заполнять ее даже кивком головы. СОБР – ну и что? Подобные подразделения есть в налоговой полиции, таможне, не говоря уже о самом управлении внутренних дел, где подобные отряды существуют даже в районных отделениях.

– Это спецподразделение МВД, – пояснил полковник, – создается особым указом президента страны. Глава нашего ведомства уже подписал соответствующий указ, меня назначили руководителем.

Снова пауза в разговоре. В этот раз капитан мысленно телеграфировал полковнику: «Ах, вон оно как!.. Поздравляю!» Даже улыбнулся собственным мыслям.

– Сразу должен сказать, что задачи, поставленные перед отрядом, будут носить несколько необычный характер. Во-первых, предполагается разделить его на две группы. Одна будет занята сбором информации – в этом плане указом президента нам даны почти неограниченные полномочия. Это доступ к полной информации государственных ведомств России, внедрение

агентов группы в теневые структуры, физическое устранение руководителей преступных группировок и так далее.

Тут Усманов мог и присвистнуть с удивлением: ничего себе СОБР! Потом на его лоб набежали морщинки. Капитан подумал, что полковник, делая ему предложение, в дальнейшем мог попросить от своего подчиненного некоторые секретные данные, которыми владел офицер службы правительственной связи. Неважно, кто подписал указ, хоть сам президент, но разглашать секреты капитан не собирался. Если он уволится из подразделения, то подпишет соответствующие бумаги о неразглашении. Этим все сказано. Но Зарецкий неожиданно успокоил капитана, сказав:

– Вы, Геннадий Васильевич, по большому счету силовик. Я хочу, чтобы вы возглавили боевую единицу создаваемой структуры. То есть отряд быстрого реагирования в чистом виде. Предполагается обозначить его как группу особого резерва. Это вторая часть вопроса, о которой я и хотел упомянуть. Сбором информации будут заниматься другие люди. Согласны?

– Еще не знаю, – ответил Усманов. Легкое беспокойство, рожденное минуту назад, ушло.

– Правильно, – одобрил Зарецкий, – торопиться не стоит. До обеда у вас будет время подумать. – Полковник рассмеялся собственной шутке, но тут же посерьезнел. – В первую очередь вы должны были задаться вопросом: почему я назначил вам встречу не в своем кабинете, а как бы нелегально?

Фраза у полковника получилась нескладной: это твердое, а это вкусное. Усманов, ненадолго задумавшись, сказал:

– Ну, на этот вопрос ответить не сложно. Во-первых, неофициальность встречи располагает, отсутствие сухости в разговоре, опять же налаживание контактов, возможность возникновения обоюдной симпатии и так далее.

– Вы абсолютно правы. Только я добавлю о секретности подразделения.

– Я это подразумевал, – улыбнулся Усманов.

– Очень хорошо, – одобрил Зарецкий. – Мы на пороге обоюдной симпатии. Прошу запомнить еще одну вещь: приказа о переводе из одного ведомства в другое не ждите. Вы уволитесь из подразделения, и только после этого мы займемся вашим оформлением. Все вопросы с вашим начальством я согласую через свое руководство.

Все произошло быстро, довольно неожиданно. Но за этим Усманову виделась большая работа полковника и его аппарата. В первую очередь об этом говорило заранее подготовленное удостоверение на его имя: Зарецкий располагал обширной информацией, связями, у него даже нашлась фотография капитана, которая сейчас красуется на развороте красных корочек удостоверения. Что – полковник был уверен в том, что он вот так сразу примет предложение? В некотором роде историю с удостоверением можно было назвать выходкой полковника и его руководителей. Сейчас Усманов имел на руках два удостоверения: капитана войск правительственной связи и сотрудника МВД. Так не может быть. Однако, вникнув в ситуацию, беря в расчет оперативность создания отряда, соответствующий указ президента и приказ министра внутренних дел, в подлинности которых у Усманова не было никаких сомнений, все становилось на свои места.

С одной стороны, ему необходима работа, надоело находиться между небом и землей. Подразделение, в котором Усманов проходил службу, неожиданно расформировали; а ему, специалисту, места в своем ведомстве не нашлось. Поначалу отправили работать в архив: пыль, сухой воздух, острое чувство неполноценности. Затем Усманову предложили место дежурного в Академии криптографии при Федеральном агентстве. Одним словом, охранник.

Всего за один час полковник Зарецкий решил судьбу капитана Усманова, за видимый час, пролетевший, как одно мгновение, и растянувшийся на долгие часы и дни кропотливой, трудной работы самого Зарецкого.

В конце беседы, вложив в папку копию приказа министра внутренних дел России о создании секретного подразделения и оставляя на столе разрешение на ношение огнестрельного оружия, выданное на имя капитана Усманова, Зарецкий строго произнес:

– От имени руководства запрещаю вам контакты с будущими агентами подразделения по телефону. Входите с ними в непосредственный контакт. Место сбора здесь. Я лично проведу беседу и инструктаж с каждым. Посему вначале я бы хотел получить от вас их имена, чтобы работать с вами в тандеме: вы предлагаете, я проверяю кандидатуру, даю добро или отказ. По каждому члену отряда, как вы понимаете, будет проведена индивидуальная проверка. Насчет Климцова мы с вами уже договорились.

«Досье, – подумал Усманов. – Это понятно». В какой-то степени полковник оказывал ему доверие, капитану предоставлялось право лично подбирать людей в группу особого резерва, и он должен быть уверен в них. А такие люди у него были, вот сейчас, навскидку, он мог назвать шесть человек, надежных, сильных, с большим опытом работы в аналоговых подразделениях.

Настроение у капитана поднялось.

– Слушаюсь, товарищ полковник!

– Вот в таком духе. – Зарецкий слегка подобрел лицом. – И не тяните с этим делом, Геннадий Васильевич. Меня торопят, а я – вас. Понятно, да?

– Так точно.

– Сами завтра перебирайтесь сюда. На первых порах считайте это место своей базой. Разрешаю взять из дома личные вещи: фотографии детей, супруги... Кстати, я в курсе, что вы, Геннадий Васильевич, серьезно увлекаетесь фотографией.

Усманов несколько не удивился. Его увлечение ни для кого не было секретом, а для Зарецкого, единолично подбиравшего себе начальника отдела, тем более. Но так же как и в случае с кандидатами, предложенными капитаном, его кандидатура тщательно проверялась и обсуждалась в верхах МВД. Зарецкий наверняка осведомлен, какой камерой снимает его собеседник, каким фотоувеличителем пользуется; что магазинным реактивом для обработки пленки и фотобумаги предпочитает химические растворы собственного изготовления. По химии в школе у Усманова всегда была пятерка, и в жизни эти знания пригодились.

– Так вот, – продолжил полковник, – работа работой, но какой-никакой быт должен все же быть. Привезите сюда ваше фотооборудование. Только, – добавил Зарецкий, и его губы сложились в ухмылку, – постарайтесь, чтобы свет от красного фонаря не просочился наружу. Всякое могут подумать.

Усманов принял шутку полковника и улыбнулся.

* * *

Зарецкий приезжал на базу дважды. Он оперативно решил вопрос об увольнении Усманова из ФАПСИ. Рапорт, написанный капитаном на имя командира войсковой части правительственной связи, без видимых задержек прошел по всем инстанциям и был испещрен подписями и штампами, в конце стояла номерная печать, подписи начальника штаба и заместителя командира. В канцелярии части, где Усманов задержался на несколько минут, в его присутствии было уничтожено его удостоверение. Он подписал акт об уничтожении, поставил росчерк в журнале. Теперь, кроме общепринятых, подписанных им обязательств о неразглашении секретов, связанных с его деятельностью в ФАПСИ, с этим органом его ничего больше не связывало.

Прошла всего неделя, боевая единица нового подразделения МВД насчитывала восемь человек, включая самого Усманова. База представляла собой комплекс из трех построек: двухэтажного дома с пятью спальнями, столовой, гостиной; срубовой бани с огромной комнатой отдыха; каменного гаража со сквозным выездом, куда свободно помещались две легковые

машины. Территория была взята в кольцо высоким деревянным забором. Вокруг – лес, тишина, подъездная дорога протянулась до основного шоссе на три с половиной километра.

Микроавтобус «Тойота», на котором приехал Зарецкий, заехал в гараж. В этот раз полковник был одет в милицмейскую форму. Он отдал приказ двум молодым людям, один из которых сидел за рулем, и они выгрузили из машины три продолговатых ящика. Зарецкий подозвал Усманова и указал на ящики.

– Геннадий Васильевич, тут оружие, патроны, униформа. Распакуйте все, место для хранения определите сами, но так, чтобы все было под рукой. Это не готовность номер один, но все же. Вполне вероятно, что вскоре вам придется пройти, так сказать, боевое крещение. И мне вместе с вами. Готовится серьезная операция по обезвреживанию вооруженной бандитской группировки, на совещании решено привлечь к этому именно нашу группу. Детали операции мы с вами, разумеется, тщательно проработаем, пару раз придется выехать на место и определиться визуально.

Зарецкий был искренен. Действительно, он готовил очень серьезную операцию по ликвидации организованной преступной группировки, было и совещание, где собственно и обсуждался вопрос о привлечении к этому делу отряда Усманова. Но вот детали операции полковник не собирался обсуждать с Усмановым.

– Как настроение в отряде? – спросил он.

– Бодрое, товарищ полковник, – отпартовал Усманов.

– Вижу. Особое внимание уделите оружию. В вашем распоряжении будут штурмовые автоматы, пистолеты, гранаты со слезоточивым газом. Приведите все в порядок, почистите. К сожалению или нет, но оружие не новое, не раз применялось в деле. Сами знаете, сейчас новое оружие по большому счету есть только в криминальных структурах.

Зарецкий натянуто улыбнулся. Усманов не понял, принять последние слова начальника как шутку или всерьез. На всякий случай изобразил и на своем лице улыбку. Полковник кивнул.

Милицмейская форма была ему к лицу, козырек фуражки укорочен, от этого Зарецкий выглядел щеголевато. Плащ мышиноного цвета расстегнут, концы пояса заправлены в карманы; левую руку полковник держал в кармане брюк. Усманов обратил внимание, что Зарецкий обут в тяжелые казенные ботинки. Обычно офицерский состав предпочитает носить что-то более современное, легкое, что не наказывалось, но и не поощрялось.

– С этой минуты, – наставительно произнес Зарецкий, – с базы ни на шаг.

Усманов кивнул. Полковник не мог не знать, что всю эту неделю никто из членов отряда не покидал базу; подчиненные Усманова «налаживали быт», как в свое время посоветовал Зарецкий. Пока заняли четыре комнаты по два человека в каждой. Виктор Климов делил комнату с Усмановым, своим бывшим сослуживцем.

– Не в службу, а в дружбу, – полковник достал из кармана фотопленку фирмы «Кодак». – Сможете проявить? Это лично для меня. В фирменных отделах за проявку дерут бешеные деньги.

– Конечно, – быстро отозвался Усманов, принимая от Зарецкого пленку, заодно и не совсем убедительную отговорку о бешеных деньгах. Насколько был осведомлен Усманов, цены за услуги в фирменных отделах «Кодак» находились на приемлемом уровне. – Может быть, вам и фотографии напечатать?

Полковник в нерешительности переступил с ноги на ногу.

– Мы с вами только недавно знакомы, а я уже докучаю вам личными просьбами. Нет, не надо.

Капитан настоял на своем.

– Мне не трудно, товарищ полковник. Все реактивы я привез с собой. Особо ценится в составе проявителя для цветной фотобумаги ЦПВ – цветное проявляющее вещество: этилксиэтил-парафинилен-диамин-сульфат.

Полковник рассмеялся.

– Нельзя воздействовать на начальство заклинаниями, – добродушно сказал он. – Однако вы уже воздействовали. Придется соглашаться. Но впредь попрошу, – он шутливо погрозил пальцем. – Сделайте по одному отпечатку с каждого негатива. Какую фотобумагу вам привезти?

– Лучше, конечно, «Кодак», последнее время я пользуюсь только ей – отличные отпечатки. А пока воспользуюсь своей. Кажется, у меня есть две пачки.

– Договорились. Теперь поговорим серьезно. Фотографии, которые вы будете делать, нужны для одного общего дела. Не удивляйтесь, если увидите на пленке только один персонаж.

Усманов кивнул: да, я понял.

– Да, вот еще что, – Зарецкий провел ладонью по подбородку. – Боюсь вас огорчить, Геннадий Васильевич, но вскоре вам придется покинуть это место. На оперативном совещании было принято решение о слиянии обоих отделов подразделения в одно. Стало быть, место базирования будет общим.

Усманов несколько не огорчился. Наоборот, его несколько смущало внимание со стороны начальника, он всегда отвергал опеку. Ему показалось странным, что ему лично и его группе уделяют столько внимания. Но он понимал, что все это временно. Если можно так выразиться, отряд молод, он еще только на пути своего становления, но с другой стороны, в него вошли опытные силовики.

Да, Зарецкий оказался прав: по большому счету каждый из отряда Усманова был силовиком. С Виктором Климовым капитана связывали не только служебные отношения, на протяжении десятка лет они остаются друзьями, оба пережили неприятное время расформирования отряда, а сейчас радуются, что снова вместе.

Усманов несколько иначе представлял себе положение секретного подразделения МВД. Обычно это ничем не примечательный офис, сотрудники его ежедневно приходят на работу, но большая часть времени проходит в ожидании. Или же более прозаично: сотрудники проходят службу в одном из отделов управления внутренних дел.

О предстоящей операции Зарецкий сказал как-то неопределенно. Усманов так и не понял, только ли силами его отряда будет проведена акция или же войдет в состав отряда спецназа МВД, о котором вскользь упомянул начальник. По идее, должна влиться, так как сил для обезвреживания преступной группировки, мягко говоря, было маловато. Обычно такие мероприятия проходят более многочисленным составом, куда входят штурмовые группы, отряды прикрытия и так далее. Скорее всего, подумал Усманов, его отряду будет поставлена задача прикрывать штурмовую группу, может быть, блокировать подъездные пути. Да, наверное, так оно и будет. Пока они – новички, хотя на счету у каждого члена отряда две-три успешно проведенные операции. Спецподразделения войск правительственной связи не так часто, как МВД или ФСБ, прибегают к силовым актам, но люди в таких подразделениях ничем не уступают профессионалам из спецбригад того же МВД; может быть, не хватает практики, что немало важно. Но все это выяснится при ознакомлении собственно с планом операции.

Про себя Усманов окрестил базу инкубатором. Даже установил сроки – как птенцам: двадцать один день. Оказалось, раньше. Хотя как знать, пока идет подготовка, ознакомление, может быть, инкубационный период отряда совпадет с шутливо установленным им сроком.

А пока ничего не ясно: карантин, курс молодого бойца – множество определений. Но скорее бы уже они закончились. Неделю не видел семью, а уже соскучился по сыну, дочке, жене. Самому стало неловко оттого, что скучает даже по теще. Жене сказал, что уезжает в длительную командировку. К длительным отъездам мужа супруга была не готова, она практи-

чески не знала слова «командировка»: Геннадий постоянно находился рядом, в любой момент с ним можно было связаться по телефону, – тут сказывался характер его работы, собственно ведомство, в котором он проходил службу. И вот связь прерывается на целую неделю. Пока на неделю. Сколько еще? Ровно четырнадцать дней?

Испытание разлукой. Впервые Усманов примерил это старомодное определение на себя. Неуютно, тревожно, невозможно сосредоточиться на самых простых вещах, голову забивают посторонние мысли. Хотя какие они посторонние, когда ежесекундно вспоминаешь семью. Но стали бы посторонними, когда впереди забрезжило бы что-то имеющее форму, какое-никакое определение.

К вечеру, когда подсохла проявленная пленка, Усманов, закрывшись в свободной комнате, которую временно переоборудовал в фотолабораторию, включил фонарь. Комната наполнилась зеленоватым светом, при котором печатают цветные снимки. Он сделал пробный отпечаток, внимательно рассматривая его при обычном освещении, и сделал прикидку, сменив светофильтр: ему показалось, что на фотографии преобладают синие цвета.

Еще одна проба. Теперь полученный результат полностью удовлетворил фотографа. Он сделал еще несколько отпечатков, просмотрев их более внимательно. Почти на всех снимках присутствовал один человек – представительный мужчина в добротном темно-сером костюме. И всегда только вне помещений, в основном на улице: возле машины, у дверей какого-то офиса, у подъезда дома. Снимки были сделаны с довольно внушительного расстояния, однако фотограф использовал длиннофокусный объектив, Усманов определил это по крупному зерну на негативах. Несколько кадров были сделаны с большой высоты, возможно, с крыши здания.

Когда снимки высохли, Усманов вложил их в черный пакетик из-под фотобумаги и оставил на столе.

Что-то мешало заснуть ему в эту ночь, он снова и снова возвращался к фотографиям. Нет, он не знал мужчину, изображенного на снимках, но то, как снимали его, наводило на мысль о слежке. И удивительного в этом ничего не было, пленку ему передал полковник милиции и сказал, что снимки напрямую касаются какого-то дела. Возможно, человек в дорогом костюме является лидером преступной группировки или что-то в этом роде; почти всегда рядом с ним одни и те же люди, скорее всего телохранители.

Много странного вокруг замечал Усманов, но отчего-то именно фотографии вызвали в нем сомнения. Просто сомнения, не основанные на каких-либо фактах. И на душе стало еще неуютнее. Временная разлука с близкими стала вырастать в тревогу за них. Появилось необоримое желание, покинув базу, навестить семью, пусть даже нарушив при этом приказ полковника Зарецкого. Однако вот именно сейчас он никак не смог бы этого сделать. На базу пришло оружие, униформа, бойцы его отряда тщательно проверили автоматы. Виктор Климов лично осмотрел пару автоматов Никонова, так как питал слабость к хорошему оружию. Они были просто загляденье: с оптическим прицелом, внешне похожие на «калашников», имеющие три режима огня – одиночными выстрелами, форсированными очередями по две пули и автоматический режим – 1800 выстрелов в минуту. Особенностью конструкции являлись ствол и ствольная коробка, которые были смонтированы на лафете, при отдаче он отходит по направляющим, тем самым оружие не уходит с линии прицеливания. Отличный автомат, по своим параметрам мог не уступить снайперской винтовке.

Заинтересовал Виктора и американский карабин, скомпонованный по схеме «булл-пап», автоматика на отдаче свободного затвора.

С момента поступления оружия на базу в отряде стали жить ожиданием. Все были ознакомлены с уставом организации, получалось, что работа по всем параметрам должна быть интересной, во всех пунктах и параграфах присутствовало что-то таинственное: от разведки до штурмовых актов. Это в общих чертах. Естественно, что отдельной графой об одном из кон-

кретных отделов – отряд быстрого реагирования, упомянуто не было. Хотя Зарецкий в разговоре с подчиненным сказал только о двух отделах, но их, исходя из устава, могло быть больше.

Жили ожиданием. Но никто не нервничал, во всяком случае, внешне это не проявлялось. Используя в качестве стойки для оружия полку для обуви, Усманов распорядился относительно дежурства. Теперь, как и в любом военном подразделении, на базе стали выполняться некоторые из функций караульной службы. Говоря пунктирно, это вселяло, было похоже, обнадеживало, подстегивало, чуточку радовало, немного волновало. Все ждали начала операции. И она началась совсем неожиданно. Капитан Усманов и его товарищи даже не могли предположить, что главенствующую роль в боевой операции, спланированной полковником Зарецким, отведут именно им. Никак не могли предположить.

Не было сигнала к действию, но как-то само собой опустела самодельная стойка для оружия; а до этого основное здание базы наполнилось топотом ног бойцов группы особого резерва.

* * *

– У меня есть приказ руководства: живыми никого не брать, – строго и отдельно произнес Зарецкий, гоня в коротких паузах желваки. – Бандиты вооружены автоматическим оружием и просто так сдаваться не намерены. Предупреждаю вас о провокации со стороны бандитов, они могут пойти на любые уловки. А вы выполняйте приказ. Понятно?

Командир отряда, одетый в камуфлированный костюм, коротко кивнул. Поправив на груди штурмовой автомат, он ждал дальнейших распоряжений. Зарецкий посмотрел на светящийся циферблат часов и отдал приказ:

– Начинайте операцию по обезвреживанию.

Кургузая бронированная машина мощным бампером протаранила двустворчатые ворота. Тотчас за ней въехали еще два грузовика. На платформах каждого из них крепились по два прожектора. Старшие в кабинах включили прожекторы, освещая двухэтажное здание. Рассредоточиваясь с четырех сторон, штурмовики взяли здание в кольцо. Больше половины спецназовцев вжались в стены, беря под контроль двери и окна.

Усманов нашел глазами Виктора Климцова. Срывающимся голосом капитан крикнул:

– Витя, к двери! Без команды не стрелять!

Климцов передернул затвор «никонова» и занял позицию. Капитан встал у окна.

Прожекторы светили на полную катушку, били в окна здания, тени спецназовцев, стоящих у стен, были неестественно черны. Зарецкий сидел в машине в ста метрах от места основных событий и нервно поглядывал на часы. Не ему учить команду спецназа, как действовать, однако правильно подумал, что в первую очередь в окна полетят гранаты со слезоточивым газом. Потом покидающих здание будут расстреливать. А до откровенного расстрела будут вопли, стоны. Действительно провокация.

В свете прожекторов брызнуло прошитое пулями стекло. Острый осколок резанул Усманова по щеке. Он еще сильнее вжался в стену.

– Не стрелять!

Его никто не слушал. Спешно собранная команда Усманова была только группой прикрытия.

В окно полетела первая граната со слезоточивым газом. Все, кто был внутри здания, рассредоточились в коридоре на первом этаже, двери комнат были грамотно закрыты. Газ проникал в коридор только из щелей, зато в самих комнатах газ висел сплошной стеной; вскоре широкими, невидимыми глазу пластами он стал выползать наружу через разбитые стекла окон.

Климцов стоял у самой двери. Он ждал приказа, но готов был самостоятельно принять решение. Палец подрагивал на спусковом крючке автомата. «Буду стрелять только по ногам», – успел подумать он.

Но стрельба по ногам не устраивала самого Зарецкого, ему нужны были только трупы, трупы бандитов. И он нервничал, он поставил на карту собственную жизнь, однако другого выхода у него не было. Те, кто был внутри здания, были профессионалами, их блокировали не менее опытные бойцы, которые получили соответствующий приказ. Стрелять они умеют, выполнять приказ – тоже. Они уничтожали боевую единицу, раненых будут добивать выстрелом в голову.

Бронированная машина, развернувшись, углом бампера разнесла в щепки входную дверь. Климцов едва успел посторониться. Ошарашенными глазами смотрел он на стальную, выкрашенную в темно-зеленый цвет массу, которая, взревев мощным двигателем, резко подала назад. И тут же в образовавшийся проем грохнули десяток автоматов.

– Не стреляйте!! – Это уже Климцов выкрикнул в подсвеченный прожекторами пролом. – Не стреляйте, мать вашу!

И не сдержался, посылая в воздух длинную очередь. Он стрелял из того самого автомата, которым был убит у порога своей квартиры высокопоставленный чиновник одного из министерств России. На снимках, которые отпечатал Усманов, был именно он.

Климцова первого зацепила пуля штурмовика, и Виктор, опуская автомат, схватился за предплечье. Инстинктивно подался глубже в коридор, но тут же был буквально изрешечен пулями. Угасающим сознанием он отмечал стоны товарищей; кажется, узнал искаженный голос Усмана. Умирая, так и не смог разобраться в нелепой, кошмарной ситуации.

– Отходим!! – Усманов волочил одну ногу, посылая в дверной проем одну очередь за другой.

Но отходить было некуда.

Рядом кто-то (капитан так и не смог определить) отчаянно, наивно выкрикнул:

– Мы свои! Спецназ!

И различил в голосе слезы, отчаяние.

– Суки, вашу мать!! Свои мы! Свои!

– Отходим!

Они отходили плечо к плечу – коридор оказался узким. И кончался он глухой стеной. Отстреливались от своих же короткими очередями, но высоко не брали, практически стреляя в пол.

– Не стреляйте, гады!

Пространство коридора, казалось, было заполнено свистом, имеющим вес и температуру. Свист был огненным, пули нарезали в пространстве невидимые глазу следы диаметром 7,62 миллиметра. Штурмовики поливали огнем хорошо простреливаемый коридор.

Усманову ожгло локоть, живот буквально взорвался от боли, когда десяток пуль в ломотья разодрали майку, выбивая кровавую плоть. И дикая, невероятная боль в позвоночнике, молнией скользнувшая к голове; сползая по стене, тело капитана оставило на ней густые красные полосы.

Уже никто не кричал: «Мы свои!», два человека, задыхаясь, бросились в СПАСИТЕЛЬНУЮ атмосферу отравленных газом комнат. Оттуда, с ничего не видящими глазами, – во двор базы. И напарывались на яростный огонь штурмовиков. Их автоматы били точно, спецназовцы уже успели сменить по паре магазинов.

Кто-то из отряда Усмана наконец догадался крикнуть: «Сдаемся!» Его крик, задыхаясь в отравленной атмосфере комнат, подхватили остальные оставшиеся в живых:

– Сдаемся!

– Не стреляйте!

Командир спецназа отдал приказ, и полтора десятка бойцов, нацепив легкие противогазы, уже не таясь ринулись в здание: через окна, проломленную дверь. У них был приказ, они ликвидировали боевое ядро мощной преступной группировки. И приказ выполнили. Послед-

него, раненного в ноги бывшего сослуживца капитана Усманова, штурмовики в упор расстреляли из трех стволов. Может быть, это он кричал: «Мы свои!», проклиная братьев по оружию, но об этом никто и никогда не узнает.

Тела членов отряда капитана Усманова вынесли во двор, аккуратно положив в ряд. Полковник Зарецкий прошелся вдоль трупов, ненадолго задержав взгляд на капитане. Все здесь, все восемь человек. Зарецкий вскоре надеялся получить благодарность за успешно проведенную операцию и генеральские погоны; естественно, повышение в должности. Он того заслужил. Но кто мог догадываться, через что пришлось пройти полковнику, чтобы достичь такого результата. Никто. Вот разве только Сергей Марковцев, который к этому времени отдавал последние распоряжения относительно участи самого Зарецкого. Человек, которому отдал распоряжение Марковцев, тщательно проверил хорошо пристрелянную снайперскую винтовку «МЦ-116М» с прицельной дальностью 600 метров и, как недавно Зарецкий, посмотрел на часы: жить полковнику Зарецкому оставалось чуть более шестнадцати часов.

Ровно в семь пятнадцать после полудня возле подъезда своего дома Зарецкий получил то, что заслужил: пулю в голову. Снайпер передернул затвор винтовки, стреляющей одиночными выстрелами, наблюдая в оптический прицел, как грузно, нехотя опускается тело полковника на асфальт, и сделал еще один выстрел. Пуля под небольшим углом точно вошла в затылок. Снайпер отпустил массивный, но очень удобный приклад с красивыми разводами благородного дерева и покинул свое место. Он был боевиком отряда особого резерва, чье место занял кто-то из группы капитана Усманова.

Глава первая

Новоград, полтора года спустя

1

Родителям Даши Котляровой понравился этот невысокий крепыш: самоуверенный, волевой, симпатичный. Поначалу мать девушки не могла справиться с вполне оправданным волнением и называла гостя на «вы»; отец же наоборот – Вячеслав Зубков произвел на него хорошее впечатление. И хозяин дома, словно они давно были знакомы, не обратил внимания на то, как демонстративно, будто в квартире было невыносимо жарко, гость скинул пиджак, оставаясь в одной рубашке. Стягивая рубашку коричневатými ремнями, под левой рукой Зубкова покоилась заплечная кобура с табельным пистолетом «макаров».

В этот вечер мужчины много выпили. Присоединившиеся к ним вначале бабушка Даши и ее младшая сестра вскоре встали из-за стола, за которым так и не было произнесено ни одного слова о замужестве. Да и рано пока, просто первое знакомство. К тому же родители Даши сами были воспитаны в том духе, что, заявив гость о своих намерениях жениться на их дочери, могли посчитать его несерьезным.

Однако маму Даши насторожило, что Слава не отказался ни от одной рюмки, предложенной ему хозяином; вдвоем они доканчивали вторую бутылку водки, женщины пили только красное вино. Нельзя сказать, что парень совсем не пьянел, но и язык у него не заплетался, но вот взгляд стал, как показалось хозяйке, жестче, что ли, инициатива в разговоре была у него, в основном он говорил о своей работе.

Женщина так и не разобралась: зять-милиционер – это хорошо или... не совсем. У нее не было какой-то предвзятости к работникам милиции, но освоиться с этой мыслью было непросто. Это раньше так было, когда милицию боязливо уважали, военный был гарантом благополучия в доме, стабильности. Сейчас нет, все изменилось.

В целом она одобряла выбор дочери, но что-то тревожило ее. Позже женщина поймет, что именно – излишняя самоуверенность гостя портила первое впечатление о нем. И, конечно, то, что он много пил – это во время первого знакомства. Вообще, думала она, мог бы и пропустить две-три рюмки; но и хозяин хорош, подливает и подливает. Однако и его понять можно, не скажешь же: «Пока хватит» – гость может обидеться. А сама несколько раз порывалась спросить: «Слава, вам сегодня не на дежурство?» – тоже слишком откровенно.

Но с Дашей он обращался нежно. То и дело наклоняясь к ней, что-то шептал, касался влажными губами ее уха, улыбался.

Вышли они с Дашей из-за стола рано – еще не было семи часов вечера, женщине показалось, что Слава произнес: «Прогуляемся?»

Когда за ними закрылась дверь, родители долгое время сидели в задумчивости. Наконец отец откровенно спросил:

– Ну и как тебе будущий зять?

Женщина пожалала плечами: «Все зятья одинаковы».

Сержант милиции Вячеслав Зубков мог бы ответить ей тем же: «Так же, как и все тещи». Но он не слышал отца Даши, не видел красноречивого взгляда ее матери, сейчас он, взведя курок пистолета, целился в человека.

2

Легко спрыгнув с подножки рейсового автобуса, остановившегося на улице Бориса Полевого, Виктор Толкушкин сразу же увидел возле овощного магазина будку телефона-автомата. Ему срочно нужно было позвонить. Однако, подойдя ближе, с видимым облегчением увидел, что трубка была оторвана, предохранительная пружина кольцами ложилась на заснеженный пол и через разбитые окна кабины слегка вибрировала на ветру.

По пути у Виктора будут еще несколько телефонов-автоматов, и на каждом, несмотря на срочность звонка, он будет надеяться выявить ту или иную неполадку. Он сознательно тянул время, постоянно думая, что поступает подло, не по-товарищески. Он считал телефоны-автоматы, говоря себе: «Позвоню из этого», но в очередной раз проходил мимо. А сказать нужно всего-то несколько слов: «Сергей, в вашем распоряжении не больше четырех часов. По истечении этого времени я звоню в Москву. Чем может закончиться для тебя этот звонок, знаешь». А может, добавить: «Извини, что так вышло»? Нет, он сознательно совершал подлость, признавался в ней и в то же время просил прощения – это уже слишком.

Да, не забыть про Лену, сказать Сергею, чтобы они не вздумали искать ее. Впрочем, они так и так не успеют; да и не станет Сергей никого искать: самому бы ноги унести, времени у него мало.

А что, если сократить сроки, сказав, что у Сергея не четыре часа, а только два? Пожалуй, для полного спокойствия следует поступить именно так. Толкушкин шел к Лене Окладниковой, которая жила на Краснодонской, 61, шел, практически ничем не рискуя. Сергей после его звонка поймет, что найти Виктора за эти два часа ему не удастся, даже если он задействует всех своих людей. Но Сергей должен понимать, что его бывший партнер совсем не тупица, на Краснодонской, 61, единственном месте, известном Сергею, Виктора, конечно же, не будет.

Вчера Толкушкин предупредил девушку, что если завтра он не появится, то ничего страшного, придет на другой день. В крайнем случае позвонит, в обычном разговоре сумеет намекнуть ей, что его тщательно спланированное мероприятие откладывается.

Хорошо бы только на день, уже нет сил ждать, даже просто жить среди людей Сергея. Мысленно Толкушкин уже отделил себя от них, познакомившись с Еленой Окладниковой. Обратного пути нет, в его руках то, что делало дорогу назад невозможной, за такое полагалась пуля. А за телефонный звонок Толкушкин мог рассчитывать только на хищные зубы партнеров.

Разорвут, справедливо прикидывал он, теперь уже с долей некоторого нетерпения останавливаясь возле очередного автомата: как и первый на его пути, тот был сломан.

Виктор понял, что понапрасну теряет время: чем скорее позвонит, тем легче будет себя чувствовать.

Он прикинул, что разумнее вернуться, сделать звонок из исправного телефона-автомата, который он прошел, не дай бог Сергей в это время уже хватился пропажи, тогда по его следам устремится вся бригада.

По правую руку от Толкушкина находился профессиональный лицей компьютерных технологий. По левую – ряд металлических гаражей. Позади он оставил двор внутри кольца пятиэтажных домов. А впереди – большая площадка, пригодная для выгула собак. Однако сейчас там никого не было.

Виктор решил сократить путь – пройти между гаражей на Ленинградское шоссе. Отыскав глазами более-менее широкий проход между двумя гаражами, Толкушкин, перешагивая через заснеженную кучу хлама, стараясь не запачкать о металл куртку, добрался до бетонной стены. Заботливые владельцы гаражей натянули поверх забора колючую проволоку, которую морозный вечер скрыл от него. С «дипломатом» в руке, в стильной одежде лезть через забор было глупо, лучше обойти, потеряв на этом каких-то пять-десять минут.

Чертыхнувшись, Толкушкин осторожно развернулся. Вначале он услышал голоса, потом в проходе, загораживая сумеречный свет, появилась фигура невысокого парня.

3

Даша, повиснув на руке Зубкова, все время смеялась. От спиртного ее парень стал на редкость остроумным. Когда они вышли к гаражам, девушка, указав на парня, шагнувшего за гаражи, что-то шепнула на ухо спутнику и снова хмельно рассмеялась.

– Ну и что? – ответил сержант. – Приспичило человеку.

– Так мы же мимо пойдем!

– А ты не смотри.

– Я так не могу. Посмотрю против своей воли. – Она вдруг затрясла его за плечо. – Слав, а ведь он нарушает... как это... общественный порядок. Ты можешь его арестовать?

Они уже подошли к гаражу вплотную.

– Зачем?

– Ты страж порядка или кто? А ну, немедленно арестуй его! Я приказываю тебе! Я еще ни разу не видела, как арестовывают людей. У тебя есть наручники?

– Нет.

Она снова потянула его за куртку.

– Ну Слава... Хотя бы напугай его.

– Ладно. – Зубков, отстранившись от девушки, загородил проем между гаражами. – А ну, не двигайся, мужик, – предупредил он, – я из милиции. Сержант Зубков.

«Лучше уступи мне дорогу, глупыш», – подумал Толкушкин. Однако напрягся. Встреча с кем-то из правоохранительных органов, даже сержантом, не входила в его планы. Надолго сержант его не задержит, Виктор умел разговаривать с милицией, но его насторожило, что милиционер как-то уж официально представился. К тому же Толкушкину показалось, что язык у того слегка заплетается. «Пьяный, что ли?» – прищурился он на сержанта, теперь уже сомневаясь: на парне была гражданская одежда – теплая пуховая куртка, расстегнутая наполовину, черные джинсы, на голове ондатровая шапка.

Парень был не один, через его плечо на Толкушкина смотрели глаза симпатичной девушки. Впрочем, она недолго задержала на нем взгляд.

Виктор усмехнулся: «Теперь понятно, почему ты представился мне так официально. Давай, мальш, покажи себя подружке». И сделал шаг вперед.

Он не ожидал, что Зубков сможет обнажить ствол так быстро. А наверное, вообще не мог предположить, что сержант вооружен. Стиснутый двумя гаражами, Виктор лишен был маневра, при котором ствол пистолета «макаров» спустя мгновение смотрел бы на своего хозяина. Поэтому Толкушкин был вынужден оставаться на месте.

– В чем дело, командир? – спросил он, ожидая услышать от подвыпившего милиционера стандартное: «Вы нарушаете общественный порядок». Наверняка тот видел, как Виктор зашел за гаражи, решив, что по малой нужде. Наверное, не стоит переубеждать его, быстрее отойдет – не мужик разве?

Он дождался той самой казенной фразы от милиционера и стал оправдываться.

– Извини, командир, но до дома не донес бы.

– Ты и не донесешь. В Октябрьском отделении есть туалет.

– Может, ты уберешь ствол? – попросил Толкушкин. Вид черного зрачка пистолета не произвел на него никакого впечатления, в своей жизни Виктор десятки раз смотрел в подобные отверстия.

На помощь Толкушкину неожиданно пришла девушка. И Виктор увидел слегка обескураженное лицо ее спутника, когда она произнесла:

– Слава, ты что на самом деле! С ума сошел! Убери пистолет.

И снова бросила взгляд на Виктора.

– Отойди, – не совсем уверенно произнес парень. – Теперь не мешай.

– Слава!

– Я кому сказал. – И к Толкушкину: – Совсем обнаглели, обгадили все гаражи.

– Слава, я прошу тебя, пойдём отсюда, не твой же это гараж.

Толкушкин терял время, сейчас он проклинал себя за слабость, за то, что медлил, оттягивая тот момент, когда Сергею просто необходимо было позвонить. Вот и оттянул. Этот пьяный сержант совершенно не контролировал себя. Но мог определить в Викторе человека, который совершенно его не боится.

Место было пустынным, Толкушкин не знал, патрулируют ли здесь наряды милиции; вечереет, подростки выходят на улицу, подвыпивших становится больше. Сержант Зубков мог послать девушку за нарядом, а сам продолжит держать его на мушке. Оснований для задержания у него нет, но в отделении или на месте проведут досмотр личных вещей, а в «дипломате»... Нет, вряд ли девушка согласится идти в милицию, скорее всего она побоится оставить своего поддатого дружка, вооруженного пистолетом. И сколько это будет продолжаться? Сержант упрямый, как бык, пьяный, не контролирует себя, о чем говорил такой весомый факт, как пистолет, и он обнажил ствол совершенно неоправданно, выставляя себя героем перед девушкой.

Нет, Виктор не собирался терять времени. Расстояние до милиционера было достаточно велико – почти вся длина гаража, «дипломат» он держал в правой руке перед собой, и Толкушкин, направляя его плашмя, резко бросил в милиционера, а сам устремился вперед.

Реакция Зубкова была запоздалой, но все же он сумел нажать на спусковой крючок. Дважды.левой рукой он прикрывался от брошенного в него «дипломата», а правой, находившейся у пояса, произвел выстрелы.

Одна пуля попала в цель, раздробив Виктору коленную чашечку, вторая, отрикошетив от гаража, выбила кусок бетона из забора. Видя, что раненый продолжает сокращать дистанцию, правда, не так стремительно, как вначале, Зубков произвел третий выстрел, целясь в голову. Ему показалось, что пуля попала парню в висок. Во всяком случае, тот упал лицом вниз и не двигался.

Вячеслав Зубков трезвел на глазах, пистолет в его руке дергался, губы тряслись, когда он сумел выдать себя:

– Он первый напал... Ты же видела, Даша.

Девушка не ответила. В очередной раз бросив: «Ты сошел с ума» (теперь уже не наигранно), она отстранила друга и попыталась перевернуть раненого на спину. Но смогла только приподнять голову, всматриваясь в его лицо. Бледное, со следами крови, оно навсегда останется в ее памяти.

А Зубков, прислушиваясь, оглядывался. Со стороны лица никого не было, пятиэтажки находились на расстоянии ста метров от них, тем более что более длинный гараж, выступающий больше чем на полметра, скрывал и его, и девушку. Так же нервно он посмотрел в другую сторону: никого.

Почти совсем стемнело, но стреляные гильзы Зубков отыскал довольно легко; снег чернел крохотными ямками в том месте, куда упали горячие гильзы. У него было два варианта: сейчас же вызвать на место оперативную группу из отделения милиции и чистосердечно во всем признаться; или пустить все на самотек, унося с места происшествия ноги. Самым удобным был первый вариант, однако выяснится, что он был в нетрезвом состоянии, за это по головке не погладят, в лучшем случае выкинут из милиции; а Зубков работу в правоохранительных органах считал для себя единственной, верил, что его призвание – обезвреживать преступников. На самом деле он бредил этими желаниями, работа в милиции была скучноватой;

но это временно, пока у него на плечах сержантские погоны. Когда он закончит юрфак, работа станет иной, у него будет собственный кабинет, помощник, личный сейф, где будут лежать успешно раскрываемые им дела.

Теперь все может пойти прахом. Табельное оружие все без исключения проходит контрольные отстрелы, если он скроется с места происшествия, раненого или труп рано или поздно обнаружат, эксперты с легкостью укажут, из какого пистолета были сделаны выстрелы.

Вот сейчас Зубков действительно испугался, не зная, как ему поступить. Также был в неведении о том, кто сейчас лежит перед ним, истекая кровью. Судя по одежде, не простой работяга; вспоминая его решительные действия, милиционер прикинул, что перед ним мог находиться преступник.

«Дипломат» лежал под ногами. Зубков, присев, щелкнул замками и открыл.

Появилось двоякое чувство: либо он сегодня не принимал ни капли спиртного, либо наоборот, выпил слишком много.

Пожалуй, он потерял счет времени, глядя на содержимое «дипломата»; как-то не сразу увидел тонкие пальцы Даши, прикоснувшиеся к пачке денег; до него не сразу дошел смысл сказанных ею слов. Но она действовала более решительно, чем он. Именно девушка, убрав его руку, закрыла крышку «дипломата».

– Нам нужно уходить отсюда, Слава, – твердо произнесла она. – Слышишь? Пока нас не заметили.

Зубков смотрел на нее будто впервые: она предлагала бросить раненого, взять деньги и уйти с места происшествия. Но она не знает всех тонкостей следственной работы, объяснять ей – слишком долго, а принимать решение необходимо немедленно.

Перед сержантом милиции открывались две перспективы – одна не очень хорошая, другая отвратительная. Он бы немедля последовал последней, если бы у него появилась возможность избавиться от тела, укрыв его хотя бы на время, чтобы потом самостоятельно извлечь пули, скрывая следы своего преступления. Но он не знал, жив ли тот.

Зубков посмотрел вначале на парня, потом перевел взгляд на девушку. Она все поняла. Однако объяснилась с другом своеобразно, согласно сложившейся обстановке.

– Ты убил его.

Вторая перспектива от этих слов не померкла. Когда он предъявит в отделении милиции содержимое «дипломата», там навсегда забудут о том, что от их сотрудника несет водочным перегаром. Заканчивать юрфак он будет уже знаменитым. Дело, которое обещает стать громким, будет раскрыто именно его стараниями – естественно, когда установят личность убитого.

Хорошая перспектива, с личным сейфом, помощником, уголовными делами и – обычной зарплатой. Всю свою жизнь он будет вспоминать этот «дипломат», как факт своей нерешительности. Вот Даша, к примеру, настроена по-боевому.

Она тронула парня за плечо.

– Слава, нам нельзя упускать такой шанс. Ты знаешь, сколько здесь денег?

Зубков невольно посмотрел на девушку, замечая в ее глазах алчный блеск.

– Что ты предлагаешь? – хрипло произнес он.

– Забрать «дипломат» и уходить отсюда.

– Да? А труп? А пули? Мой пистолет прошел контрольный отстрел, это ты понимаешь? Уже утром меня арестуют в родном Октябрьском ОВД. И тебя вместе со мной. А может, и раньше. Простые люди не носят с собой чемоданы с деньгами. Они найдут нас быстрее милиции.

– Пока ты стонешь, нас могут увидеть. Надо извлечь пули из тела, – решительно добавила она. – За такие деньги я готова на что угодно. Как ты не понимаешь, что такой шанс выпадает только раз в жизни!

– Что ты предлагаешь? – повторился он.

– Во-первых, убрать труп с прохода. Во-вторых, подъехать позже на твоей машине, погрузить его в багажник и отвезти в твой гараж. Я сама буду вытаскивать твои пули. – Она намеренно акцентировала слова: твоей, твой, твои.

– Ты ненормальная, Даша! – вскричал Зубков.

Девушка зло прищурилась на него.

– Ты можешь сказать это еще раз, только погромче, чтобы тебя кто-нибудь услышал?

– Могу, – огрызнулся он.

– Желаю успеха.

Девушка, не оборачиваясь, пошла прочь.

Она точно ненормальная. Сержант смотрел ей вслед и думал. На раздумье у него ушло столько времени, сколько потребовалось Даше, чтобы отойти на пару десятков метров. «Неужели она будет ковыряться в трупе, извлекая пули?» – с содроганием думал Зубков, окликнув девушку. Хотя, наверное, она права: за такие деньги действительно можно сделать что угодно. Если они с Дашей сработают оперативно, никто не узнает о происшествии. Однако не стоило сразу покидать это место, кто-то мог услышать выстрелы и вызвать милицию, хотя бы минут сорок нужно понаблюдать за гаражами на расстоянии. Если оперативники не появятся, можно будет скрыть труп между забором и гаражом, места там должно быть достаточно. А если оперы все же приедут, то выход один: спешно появляться перед ними – с геройским видом, «дипломатом» и надежным свидетелем происшедшего.

Это был единственный вариант.

– Через четверть часа будет совсем темно, – напомнила девушка. – Мы можем и не трогать труп с места. За кучей мусора его почти не видно. Что ты решил, Слава?

– Нужно переждать некоторое время, ведь по сигналу могут приехать оперативники. Деньги оставим пока у себя.

– Ты молодец.

Только три минуты назад Даша кричала: «Слава, ты с ума сошел! Убери пистолет!» – кричала наигранно, до этого спровоцировав ситуацию. Деньги затмили все. Зубков даже не представлял себе, что в человеке за такое короткое время могут произойти почти необратимые изменения. Позже, терзаясь, он поймет, что с этими деньгами и этой молодой женщиной он будет связан на всю жизнь – даже если они расстанутся, а деньги ускользнут из рук. Он поймет и то, что способен глубоко, в короткое время разобраться как в своей психологии, так и Даши, уйдет в такие дебри, что станет страшно, гораздо страшнее, чем сейчас, когда он, оглядываясь на неподвижное тело, уходил прочь. Будет ли страшно девушке, когда она, орудуя плоскогубцами, отверткой, будет извлекать из тела пули, было для Зубкова неизвестно. Наверное, страшно ей не будет, просто отвращение и брезгливость застынут на ее лице.

Он уже совершил преступление, собирался и дальше нарушать закон, но тяжелый «дипломат» в его руках переключил мысли в другое русло; то были сказочные берега с неповторимым пейзажем.

А пока ждать: сорок минут приезда оперативников, и столько же времени понадобится для того, чтобы доехать до гаража, выгнать машину, погрузить труп и вернуться. Досмотра на дорогах Зубков не боялся, раскрытое удостоверение патрульному, и снисходительный кивок: «Можете ехать дальше». За городом достаточно места, чтобы даже не спрятать труп, а просто сбросить его в сугроб. Когда и при каких обстоятельствах его обнаружат, уже не так важно. Совсем неважно. Главное, свидетель в этом деле только один, и он никому ничего не расскажет. Зубков не заметил, что эта мысль в его голове промелькнула зловеще. В таком же духе металась мысль и в голове Даши: «Он никому не расскажет о случившемся. Никому».

* * *

Зубков намеренно не поехал на своей машине, когда девушка предложила ему познакомиться с ее родителями. «Ты выпьешь, – говорила она Славе, – а водить машину в нетрезвом состоянии я тебе не разрешаю». И добавила: «Пьяный за рулем – преступник».

Выгоняя из гаража «шестерку», Зубков невольно покосился на верстак, там в беспорядке лежали инструменты: пассатижи, отвертки, молоток, пробойник, с помощью которого молодой милиционер готовил сальники для крана. Вскоре придется все это смахнуть с верстака, водрузив на него тело, но кое-что из инструментов понадобится.

Он никак не хотел поверить в происходящее, однако, закрывая ворота капитального гаража, уже не сомневался, что спустя какое-то время вернется сюда с трупом – он, сержант милиции. К месту или нет, вспомнил об известных ему случаях, когда стражи закона сами становились преступниками даже не из-за денег. Кто-то истязал случайных попутчиц, записывая их мученические крики на магнитофон, кто-то издевался над малолетними. Успокоения от этих мыслей не пришло. Зато явилась тревога за деньги, которые остались в гараже; теперь не было смысла возить их с собой, в случае непредвиденных обстоятельств они только отяготят и так незавидное положение Зубкова и его попутчицы.

Он бросил взгляд на девушку. Ему показалось, что Даша смотрит через лобовое стекло с надеждой. Эта чистая девушка, которая разрешила себя поцеловать только на пятый день их знакомства, скоро вооружится отверткой... Нет, лучше об этом не думать.

Двигатель плохо прогрелся, едва тронувшись, «Жигули» заглохли, пришлось вытянуть рукоятку подсоса.

В багажнике машины расстеленное заботливой рукой Даши находилось старое промасленное покрывало; обрывок такого же древнего верблюжьего одеяла должен послужить для того, чтобы накрыть тело.

В горле Зубкова пересохло, голова кружилась, хмель прошел давно, но вот похмельный синдром только сейчас дал знать о себе. Не в силах противостоять ему, сержант остановил машину возле коммерческого киоска и купил двухлитровую бутылку лимонада. Не отрываясь выпил треть. Сильно газированный сладковатый напиток стекал по подбородку на грудь, но неприятных ощущений не вызвал. Не предложив подруге лимонада, Зубков закрыл крышку и, не глядя, бросил бутылку на заднее сиденье.

– Не психуй, Слава, – посоветовала ему девушка. – Бери пример с меня.

Зубкову захотелось пристрелить ее на месте, благо пистолет был все еще при нем. Там же, в гараже, у него имелась коробка с патронами, которыми он пополнит магазин «макарова». Досадливо поморщившись оттого, что не сделал этого сразу, сержант включил правый поворот и свернул на Ленинградское шоссе. Через пару кварталов еще один поворот, во дворы, оттуда – прямо к лицу компьютерных технологий. Хорошо, что там по вечерам всегда темно и пустынно. На территории лица горит только дежурный свет, который лишь подчеркивает мрачность гаражей.

Сегодня был удачный день, по окончании рабочего дня Зубков не сдал табельное оружие на хранение, появилась хорошая возможность щегольнуть перед родителями Даши, что он с успехом и проделал, – сержант видел, каким взглядом смотрели на него мать и отец девушки. Потом трижды выстрелил, на сей раз продемонстрировав подруге свою отвагу.

Вот и дворы, за которыми не совсем отчетливо можно разглядеть территорию лица. Выезд со двора непримиримые к автомобилистам жильцы перегородили железобетонным блоком, но, наезжая колесом на бордюр, это препятствие Зубков преодолел легко. Обрато, естественно, он поедет другой дорогой.

Впереди, выделяясь на полметра, в свете фар обозначился гараж, за которым лежал убитый. Спohватившись, Зубков выключил габаритные огни и поставил «шестерку» задним бампером в метре от прохода между гаражами.

Медлить было нельзя, но он некоторое время неподвижно просидел за рулем. Потом сказал себе: «Пора», – и вышел из машины.

Черт, забыл ключи. Вернулся за ними. Потом вспомнил, что не закрывал багажник на ключ, чтобы открыть его, нужно просто надавить на головку замка. Совсем растерялся.

«Жигули» окончательно загородили свет, падающий от парадного подъезда лица. Зубков осторожно шагнул в темноту, присев, стал продвигаться гусиным шагом. Чувствовал, что за его спиной так же медленно продвигается девушка. Внезапно испугался. Ему показалось, что Даша может ударить его чем-то тяжелым по голове. Испуг так же быстро прошел. Девушка молчала, но дышала тяжело, словно страдала ожирением; и снова в Зубкове шевельнулось отвращение к девушке.

Он зашарил руками по снегу. Вот здесь возвышение, куча мусора, припорошенная снегом, сразу за ней лежит труп. Зубкову придется перебраться через него, может быть, даже наступить, чтобы взять его за ноги, Даша возьмет за руки. Пожалуй, подумал он, следовало пустить девушку первой, чтобы она только помогала ему, в то время как он будет тянуть труп за руки. Наверное, так и следует сделать, иначе они долго будут возиться. Потом сержант отверг и эту мысль: какого черта он решил, что ему вообще нужно помогать? Сейчас он возьмет труп за руки и без труда дотащит его до машины, также без посторонней помощи сумеет погрузить в багажник. Даша пусть готовится вынимать пули. Похоже, готова, причем уже давно.

Зубков перебрался через мусор, продолжая шарить руками. Наверное, он неправильно определился, труп лежал гораздо дальше, потому что руки везде натыкались на снег.

Еще с полметра.

Метр.

Два.

С нарастающей тревогой Зубков добрался до забора. Руки ткнулись в бетон, под ногой, промятая снег, с неприятным скрипом подался кусок бетона, отколотый пулей. Похолодев от ужаса, сержант щелкнул зажигалкой.

Когда он повернулся к Даше, то выглядел как мертвец. Губы еле слышно прошептали:

– Его здесь нет...

«Стало быть, и нет пуль, – пусто отозвалось у него в голове. – Даше меньше работы».

Кто забрал его отсюда, надолго останется для Зубкова загадкой. Но он твердо знал, что не милиция, иначе не ползал бы он в темноте по узкому пространству между гаражами, а торопливо разворачивал бы свою «шестерку» на подступах к лицу, едва завидев свет фар оперативных машин, освещающих место происшествия.

– А он точно был мертвый? – спросил сержант.

И не получил ответа.

Но он сам видел пропитавшуюся кровью штанину парня, кровь, которая стекала по виску...

Он растерялся.

Из ступора его вывели слова девушки.

– Поехали отсюда от греха подальше.

«Стерва!»

Во второй раз за короткий промежуток времени Зубкову захотелось видеть свою девушку мертвой. Гарантированно мертвой, чтобы потом не возникало никаких сомнений.

Включив свет, сержант медленно проехал вдоль гаражей, внимательно вглядываясь. Потом развернулся и повторил маневр. Он не заметил ничего подозрительного, никаких следов, которые хоть как-то проясняли ситуацию.

До утра он доживет. Может быть. А что будет потом? Милиция стояла сейчас на втором месте, в настоящее время сержант боялся преступников, – такие времена, что поделаешь, – преступников, которые ходят пешком, носят при себе килограммы долларов, лазят с ними через забор или просто заходят по нужде за гаражи; а когда их убивают за это, они уходят, помня, что убийца, перед тем как нажать на спусковой крючок, академически представился: «Сержант милиции Зубков».

Глава вторая

4

Этого худенького мальчишку лет девяти с озорными глазами Татьяна видела на рынке уже несколько раз. Впервые она обратила внимание на его кудрявую светловолосую голову на прошлой неделе. Мальчик лежал на грязном полу рынка в секции, где торговали колбасами, сырами. Он ловко орудовал обломком лыжной палки, доставая из-под прилавка оброненную покупателями и продавцами мелочь. Некоторые продавцы не обращали на него никакого внимания, кто-то, забавляясь, нарочно бросал мелкие монетки себе под ноги:

– Санек, достанешь – пятьдесят процентов твои.

Мальчуган проворно опускался на колени и начинал выискивать деньги, заглядывая в полумрак узкого просвета между прилавком и бетоном.

Во второй раз Татьяна встретила его в хлебной секции. Санька стоял неподалеку от прилавка, понуро опустив голову. Под глазом виднелся огромный синяк. На его прежнем месте бойко сновали два пацана чуть постарше. Позже женщина поежилась от неуместного, казалось, в этой ситуации слова «конкуренция». Мальчика просто-напросто избили и заняли его «доходное» место.

И вот сегодня он снова на рынке, медленно прохаживается вдоль мясных прилавков. На него шипят мрачные старухи-нищенки, здесь у каждой свое место. Они уже достаточно нагло требуют от посетителей денег, большинство из них ходит сюда как на работу. И опять же у большинства лица не просящие, а требовательные.

Большая проблема, подумала Татьяна, когда однажды отказала маленькой сморщенной старухе. Та бесцеремонно потянула женщину за рукав:

– Дай мелочь.

Потребовала, как долг.

– Нет, – категорично ответила Татьяна. – Извините, – все же добавила она, превозмогая отвращение, взглянув в недобрые глазки нищенки. – У меня нет лишних денег.

– На мясо есть, – не сдавалась бабка, – а подать нету?

– Для вас нет, – решительно отрезала женщина.

И тут же услышала грязное ругательство в свой адрес.

Она тяжело вздохнула. Язык не поворачивался ответить грубостью профессиональной нищенке, в кошелке которой лежало мясо, а в карманах – уже достаточно денег. В ней ничто не вызывало сострадания, только ее преклонный возраст.

...Санька огрызнулся на бабку, которая грубо толкнула его в спину, и побрел к частным киоскам. Синяк на его лице заметно побледнел, глубокая синева перешла в горчичный цвет. Мальчик был невероятно худ, старая кепка с клапанами надвинута до бровей, ноги утопают в стоптанных, не по размеру ботинках. Он шаркает ими, простуженно шмыгая носом и вытирая его кулаком.

Татьяна невольно следовала за мальчиком. Вот он остановился у киоска, разглядывает витрину. За стеклом шоколад, рулеты, лимонад. Женщина решительно подошла к окошку. Доставая деньги, ловко обронила десять рублей. Покупая бутылку крем-сода, краем глаза наблюдала за мальчиком.

Санька сразу заметил неловкое движение женщины и, приблизившись, наступил на десятку ногой. Вытянув шею, он делал вид, что разглядывает товар на верхних полках.

Татьяна не стала долго задерживаться. Она укладывала лимонад в сумку на ходу. Но все же обернулась. Мальчишка смотрел ей вслед, сжимая в кулаке деньги. На глаза женщины невольно навернулись слезы. Она ускорила шаг.

На выходе из рынка ее окликнул звонкий голос:

– Женщина! Эй, женщина!

Нет, не оборачиваться.

Татьяна пошла еще быстрее. Она ни разу не слышала голоса Саньки, но была убеждена, что это он зовет ее, и знала зачем.

– Да погодите вы! – беспризорник забежал ей вперед. – Ну и походочка у вас! Несетесь, как на пожар.

Его ясные голубые глаза смотрели на женщину с укором. Она комкала в руке носовой платок, не решаясь поднести его к глазам. По щекам катились слезы.

– Возьмите, – Санька протянул ей деньги. – Вы уронили. Я видел.

Она попыталась улыбнуться.

– Да?.. Я не заметила.

– Да вы, вы, – подтвердил мальчик. – Я рядом стоял.

– Не знаю... Надо посмотреть, я точно помню, сколько у меня должно остаться денег.

Она поставила сумку у ног и открыла кошелек.

– Нет, мои деньги все на месте, – заявила она, деловито пересчитывая купюры. – Так что ты можешь взять их себе.

– Зачем вы так? – Санька по-взрослому покачал головой. – Ведь вы нарочно уронили. Возьмите.

Она повторила его жест.

– Оставь их себе.

– Не возьмете?

Татьяна снова покачала головой.

Он разжал кулак, и десятка упала на землю.

Санька, беспечно насвистывая, пошел прочь.

5

– Саша! – Она впервые назвала его по имени.

Мальчик удивленно оглянулся. Удивление быстро сменилось улыбкой: он узнал эту женщину, которая вчера пыталась разыграть его. Она шла ему навстречу; Санька помог ей, улынувшись, теперь на лице женщины светилась неподдельная радость.

– Здравствуй, Саша!

– Здравствуйте. Вы такая рассеянная! – напомнил он и улыбнулся еще шире.

– Давай познакомимся, – предложила она. – Меня зовут Таня.

– А лет-то вам сколько? – удивился беспризорник.

– Мне?.. Двадцать... Ну, около тридцати. Если хочешь, называй меня тетя Таня.

– А зачем? – в лоб спросил Санька.

– Не знаю... Я хочу с тобой поговорить. – Она некоторое время молча смотрела на мальчика, потом наконец решила. – Вот что, Саша, ты, пожалуйста, не обижайся за вчерашнее. А сегодня я поступлю по-честному, хорошо?

– Денег дадите? – сощурился мальчик.

– Посмотрим. Сначала я хочу тебя накормить. Хочешь есть?

Санька шмыгнул носом. Его глаза слегка покраснели, было видно, что он простужен. И немудрено, в его-то одежке. Есть он хотел. И женщина ему понравилась, сразу видно – добрая.

Через десять минут он за обе щеки уплетал кулебяку, запивая горячим чаем. Глядя на Саньку, Татьяне тоже захотелось есть. Она отошла от столика к прилавку и взяла себе стакан кофе и пирожок с капустой.

Санька съел одну кулебяку, вторую завернул в промасленную бумажку. Татьяна улыбнулась:

– Потом съешь?

– Не, другу отнесу, – пояснил мальчик. – Он болеет, не встает.

Женщина понимающе покивала. Девятилетний мальчик виделся ей даже не юношей, а вполне взрослым, рассудительным человеком, повзрослеть которого заставила жизнь. Татьяне хотелось спросить о его родителях, родственниках, но чувствовала, что еще рано. Судя по всему, у мальчика никого нет. Недавно она узнала страшную статистику, оказывается, беспризорных детей сейчас больше, чем в первые послевоенные годы.

Санька, смешно надувая щеки, дул в стакан и мелкими глотками допивал чай. Он так и остался в своей кепке, несколько стесняясь сказав, что у него грязные волосы. Татьяне хотелось пригласить его к себе домой, вымыть, накормить, но она не видела продолжения. Что делать дальше, когда хоть на некоторое время мальчик побудет в теплой домашней обстановке? Ему и ей непросто будет, когда придет пора расстаться. Ей – мучительно ждать, когда он скажет, что ему пора; ему, когда его попросят или сделают вид, что его время закончилось.

И конечно, она не подумала о том, что мальчик может оказаться наводчиком и что вскоре ее квартиру обчистят. Обычно милосердие просыпается в людях неимущих или близких к этому состоянию. Татьяна жила одна, отдельно от отца, который после смерти жены сошелся с другой женщиной. Так получилось, что их отношения если не разладились совсем, то стали натянутыми. У нее была двухкомнатная квартира, хорошая обстановка, нормальная работа с приемлемым для сегодняшнего времени окладом. Она считала себя обеспеченной, но не более, потому что лишних денег никогда не водилось.

Нет, пока она не знала, что делать с Санькой. Посоветоваться? С кем? Только со своей совестью. А та может заартачиться и сказать: «Вон их сколько, иди и жалей всех». А сердце стучало совсем по-другому.

Она все же решила и спросила:

– Саша, а твои родители... они где?

Санька, недовольно насупив брови, завозился на стуле и вздохнул.

– Где отец – не знаю. Мамка умерла.

– А где ты живешь?

– Да зачем вам это?! Накормили – спасибо. Пойду я, – он поблагодарил женщину еще раз.

– А ты никуда не собираешься уезжать? – справилась Татьяна, вслед за мальчиком вставая из-за стола.

Он пожал плечами.

– Куда я уеду?

– Саша, ты сказал, что у тебя друг болеет. Может, ему лекарства нужны?

Мальчик хмурился все больше.

– Не люблю я, когда меня спрашивают. В приемнике надоело слушать.

– В приемнике-распределителе?

– Вы догадливая, – съязвил Санька. – Только я всегда сбегая отсюда, – гордо заявил он. –

Дольше пяти суток никогда не задерживался.

Глаза Татьяны сказали ему: «Здорово!»

Мальчик остался доволен ее похвалой.

– Завтра встретимся? – спросила она.

– Настырная вы... Ну ладно, только последний раз. Во сколько? – спросил он.

– У меня уже записано время. – Татьяна вынула из кошелька вчерашнюю десятку. – В десять часов у выхода с рынка.

Санька покачал головой, взяв деньги, и повторил:

– Настырная вы...

6

Татьяна работала в районной поликлинике медсестрой, и вот уже три года с одним врачом-стоматологом Аксеновой Натальей Михайловной. Аксеновой в этом году исполнилось тридцать, она была только на два года старше своей медицинской сестры. Татьяна не раз бывала в гостях у Аксеновых, с интересом наблюдая, как Наталья подтрунивает над своим мужем, следователем городской прокуратуры. Но долго она не засиживалась; когда приходил с работы Дмитрий Иванович, у нее, как правило, появлялись срочные дела по дому. Хотя какие там дела одной...

Татьяна в свои двадцать восемь лет не была замужем, была как-то попытка связать свою судьбу с одним человеком, но их отношения продлились недолго. И она никогда не распространялась на эту тему.

Сегодня они работали во вторую смену. Аксенова заметила некоторую растерянность на лице медсестры и несвойственную ей нервозность в движениях.

– Что случилось, Таня? – спросила врач, отпустив пациента.

– Да так... – женщина неопределенно пожала плечами. И неожиданно добавила: – Сегодня познакомилась с молодым человеком.

– Да?.. Когда же ты успела? – Аксенова проявила явную заинтересованность и попросила очередного страждущего подождать в коридоре. Тот пробурчал, что ждет уже полтора часа, и закрыл за собой дверь с обратной стороны. – Где познакомилась?

– На рынке.

– А как он на внешность? – спросила Наталья, сделав круговое движение ладонью возле лица. – Не кавказец, случайно?

– Нет, – улыбнулась девушка. – Светловолосый, кудрявый, глаза большие, синие. Я чуть было не пригласила его к себе домой.

Татьяна внезапно замолчала, ее понесло не в ту сторону. Ей стало неловко.

– С ума сошла! – Наталья Михайловна покачала головой. – А сколько ему лет?

– Как вашей Оле, лет девять, наверное.

Врач на секунду опешила. Она не знала, как отнестись к этому странному разговору. Вполне возможно, что Татьяна разыгрывает ее, хотя раньше она этого за ней не замечала. Они давно перешли на «ты», только при пациентах и медперсонале придерживаясь определенных правил.

– Шутишь? – спросила она.

– Да нет, Наташа, серьезно.

– А ну-ка, подруга, выкладывай, – потребовала Аксенова.

– Может, примем пациента?

– Ничего, подождет. Где час, там и два.

Она слушала подругу, то и дело качая головой. В чем-то она соглашалась с Татьяной, в чем-то порицала ее.

– Слушай, – Наталья легонько хлопнула по столу, – давай вот что сделаем. У меня Ольга – дылда здоровенная, носит все только спортивное – покрой один, что на мальчиков, что на девочек. Приходи сегодня вечером, подберем твоему Саньке одежду, из обуви кое-что. У Ольги лапища здоровая, в кого она такая – не пойму. Боюсь, еще будет расти, вымахает под два метра!

В дверь кабинета настойчиво постучали, и на пороге вырос мужчина.

- Ну, вы примете меня или нет?! Два часа уже сижу!
- Проходите, – Аксенова потянулась к стопке больничных карточек. – Фамилия?
- Васильев.
- А ведь он может и не взять одежду. Судя по всему, гордый мальчишка.
- Что? – спросил пациент.
- Я не с вами разговариваю. Когда вы были у меня последний раз?
- Два дня назад.
- Таня, посмотри у себя на столе карточку Васильева.
- Я тоже об этом подумала, Наталья Михайловна. – Татьяна нашла карточку больного и передала ее врачу.
- Ага, – покивала та, открывая карточку, – помню, пульпит, временная пломба. Садитесь. Она прошла вслед за больным, села на высокий стул и включила лампу.
- Откройте рот. Кушали сегодня?
- Е-а, – промычал пациент.
- Надо было покушать, смотрите, какое обильное слюноотделение. Ведь каждый раз предупреждаю. – Она положила вату в рот больного, включила бормашину. – Судя по твоему рассказу, гордый мальчишка. Трудная судьба, сложный характер...
- Татьяна подошла ближе и встала за стоматологическим креслом.
- Постараюсь уговорить его.
- Сплюньте... Ты правильно сказала: «Вон их сколько!» Действительно, иди и жалея всех по очереди, пока руки не отсохнут. Но в том-то и беда, что даже одному не поможешь... Будет больно, потерпите.
- Охнув, пациент лишился зубного нерва. Аксенова, положив пломбу, велела пациенту посидеть с открытым ртом, вымыла руки и вернулась за стол.
- Одним словом, вечером приходи. – Наталья хлопнула себя по бедрам. – Слушай, Танька, как раз сегодня к нам придет Димкин двоюродный брат.
- Тогда я не приду. Завтра принесете одежду на работу.
- Наоборот. Я о чем хочу сказать: познакомись с ним. Высокий, красивый, бывший военный.
- У-у, – со смехом протянула Татьяна. – Старый, наверное.
- Тридцать лет! Просто недавно его поперли со службы.
- Татьяна снова рассмеялась.
- Вот так партию вы мне подобрали, Наталья Михайловна!
- Ты не смейся, подруга, он – человек более чем серьезный. Что, опять не то? Чего ты смеешься?
- Да так... Военный, которого поперли со службы, оказывается, еще и более чем серьезный. Он случайно не контуженый?
- Ранения имеет, – подтвердила врач. – Одним словом, сама все увидишь.
- Ранения тоже?
- Если только он тебе позволит, – гордо сообщила подруга.
- О! Тогда обязательно приду.
- Васильев! Сплюньте и идите сюда. День-другой поболит, выпейте аспирин, какой-нибудь антибиотик: сульфадимезин, к примеру. Все, можете идти. И позовите следующего.

7

Николай Кавлис отметил про себя, что сегодня Наталья чересчур хлопотлива, даже несколько взвинчена. Бегает из кухни в гостиную, ставит салаты, фужеры; спохватилась, один лишний унесла. Однако все прояснилось, когда стрелки часов показали десять минут восьмого.

Раздался звонок, вслед за ним громкий голос Натальи из кухни:

– Дима, открой, мне некогда.

Аксенов, тяжело вздохнув, боднул головой и пошел открывать.

Ноябрь выдался холодным, в Новограде стояли по-настоящему зимние морозы. На щеках Татьяны играл румянец. Дмитрий помог ей снять пальто и галантно изобразил рукой: «Только после вас». Татьяна шагнула из прихожей в комнату. Она остановилась, бросив короткий взгляд на незнакомого мужчину. Тут же из кухни появилась хозяйка. Изобразив на лице искреннее удивление, она всплеснула руками:

– Ба, Танька! Незвано-негадано. Проходи, татарка. Главное, и на работе не сказала, что придешь. – Она слегка подтолкнула ее в спину и еле слышно прогнусавила: – Вон он. – И уже громче: – А вот, кстати, познакомься. Это Коля, брат Димы.

Мужчина встал из-за стола и подошел к гостю.

– Здравствуйте. Николай, – представился он. И довольно грамотно дожидаясь, пока гостя сама подаст ему руку.

– Татьяна. Очень приятно.

Она с интересом рассматривала этого высокого человека с пронзительными карими глазами, мужественными чертами лица, темными волнистыми волосами, слегка прикрывающими уши. На нем были модные, хорошо отутюженные широкие брюки, рубашка бледно-фиолетового цвета. Наталья сказала, что ему тридцать лет, Татьяна, глядя на Николая, затруднилась бы сколько-нибудь точно определить его возраст. На какое-то мгновение он показался ей значительно моложе; потом она неожиданно решила, что ему под сорок.

Николай взял инициативу в свои руки, проводив гостью к столу.

Наталья некоторое время смотрела на них, потом, спохватившись, снова скрылась на кухне и с такой же скоростью вернулась с бутылкой вина в одной руке, с фужером для Татьяны – в другой. И совсем забыла, что Татьяна пришла в качестве незваного гостя.

– Как и договорились, я все приготовила, – не замечая отчаянных гримас подруги, хозяйка продолжала: – куртку, ботиночки теплые, шапочку. Что еще?.. Ах да, варежки, шарф, брюки спортивные. – Наконец она стала соображать: что-то не то. Посмотрела на улыбающегося Николая, перевела взгляд на подругу, потом долго смотрела на разочарованное лицо мужа. И ей ничего не оставалось, как произнести свою любимую фразу:

– Ну никакой интриги в жизни...

Аксенов решительно взялся за бутылку и разлил вино по фужерам. Кивнул брату, вопрошая:

– За что будем пить?

Кавлис улыбнулся:

– За знакомство.

Теперь играть роль случайной гостии было бессмысленно. Татьяна первой задала Николаю вопрос:

– Вы бывший военный?

– Да, – кивнул он, накладывая даме салат.

– Проходили службу в нашем городе?

– Нет, на севере, город Полярный. Здесь живу только второй месяц.

– В каком звании вы ушли в отставку? – Татьяна помнила разговор с Натальей Михайловной, которая сказала, что Николая «поперли» из подразделения. Вполне возможно, что гостя, будь перед ней заурядный военный, солдафон, спросила бы иначе, в духе самой Аксеновой, но несколько мягче, и даже не постаралась бы скрыть иронии в голосе.

Вообще-то она ожидала увидеть аляповатого прямолинейного старшину с вятским говором и бравыми усами. И обязательно в начищенных до блеска сапогах. Такого делового и обстоятельного, который в вопросах знакомства с женщиной употреблял бы слова из устава; но

тем не менее стеснительного, мягко идущего на уступки женщине: «Вы говорите, крокодилы летают?.. Может быть. Но только очень низко. Помогая себе зеленым хвостом».

– Майор, – ответил Кавлис, по просьбе гостьи наполняя ее фужер минеральной водой.

– Спасибо... А в каких войсках служили? Если не секрет, конечно.

– Теперь не секрет, – вместо Кавлиса ответил Аксенов. – Николай проходил службу в войсках специального назначения.

– О, как интересно!

Вечер удался. Аксенов с удивлением смотрел на своего брата-молчуна, который просто поразил его красноречием. Сейчас он виделся ему таким светским львом. Нет, он не обхаживал даму, у следователя прокуратуры сложилось впечатление, что он попал на показательный вечер, где демонстрировали, как нужно вести себя в компании с незнакомым человеком.

Николай нисколько не рисовался, когда рассказывал о своей службе. Он умело уходил от ответов на слишком деликатные вопросы, касающиеся его профессии, переводя разговор в другое русло. Ни разу не запнулся; извинился перед гостьей, когда они с братом вышли покурить.

– Как она тебе? – спросил Аксенов, прикуривая от зажигалки брата.

– Если я скажу тебе, что ценю в женщине только ум, ты мне не поверишь.

«Да уж, конечно», – сощурился Дмитрий. До сегодняшнего вечера он рассчитывал только на один более-менее сносный ответ на подобный вопрос. «Положительная женщина». Сейчас он ждал от Николая не возвышенной, но чисто мужицкой оценки. Ведь есть же слова в мужском лексиконе, которые могут заменить целые предложения! Вот его помощник, Петя Прокопец, как настоящий мужик, имел в своем словарном запасе достаточное количество определений, но вечно изгалялся, предпочитая говорить не «постольку-поскольку», а «комси комса». И сколько раз он выговаривал помощнику: «Ну ты же не Шарль Азнавур! Ты Петя! При чем еще и Прокопец – улавливаешь рифму? Говори нормально».

Наверное, Аксенов правильно понял брата. Тот больше ничего не добавил. Татьяна понравилась «бобылю», который девять лет показывался на людях только в черной маске и с оружием в руках; чей голос, дважды прозвучавший в эфире, подвергся речевому синтезу посредством программ голосовых технологий. Да и про ум он неспроста заговорил, Татьяна далеко не дура, но и не идеальная умница, золотая серединка. Внешне привлекательная, высокая, под стать самому Николаю; правда, на правой щеке у нее довольно большое родимое пятно, но оно не портило ее. Аксенов уже давно пригляделся к Татьяне и не представлял ее без родинки, ему даже казалось, что без нее она что-то потеряет.

В половине одиннадцатого вечера Татьяна засобиралась домой. Николай тут же поднялся.

– Я провожу вас.

Они шли темной улицей. Кавлис нес в руках пакет с вещами для Саньки, разговор сам собой зашел о беспризорнике. В основном говорила женщина.

Николай молчал. Татьяне показалось, что он ушел в себя, и она также предалась воспоминаниям о сегодняшнем вечере. Несомненно, Николай – мужественный человек, волевой, сдержанный. Чем-то похож на актера Георгия Тараторкина, тоже высокий, несколько худощавый. И тут же в душу женщины вкралось сомнение: зачем она ему нужна? За столом он просто поддерживал разговор, не мог же он обидеть хозяев, откровенно проигнорировав ее. Однако его взгляды были искренними, а улыбка откровенной.

Но вот сейчас он молчит. Почему?

Потому что они остались вдвоем.

Нет, зря она согласилась на предложение Натальи, причем как-то легко, будто речь шла о каком-то пустяке. И что – показала себя? Довольна? Вот теперь иди и молчи до самого дома,

у подъезда тебе крепко пожмут руку и скажут «прощайте». Ну и черт с ним. Когда он выходил из-за стола покурить, галантно извинился, а сейчас пыхнул дымом чуть ли не в лицо.

Но она внезапно успокоилась, потому что в общем-то пришла не ради знакомства, а по делу, но на какое-то время главной целью визита посчитала именно знакомство. Этот мужчина смог вытеснить из нее образ маленького мальчика, напомнив ей о ее житейских проблемах, о том, что она – женщина. Недостатков, кроме родимого пятна на щеке, которое она иногда называла лишаем, у нее не было. Это видимый недостаток. Что касается внутренних, то их у каждого человека море.

Татьяна, занятая своими мыслями, только сейчас заметила, что они идут в другую сторону от ее дома. Вначале она забеспокоилась, но потом вспомнила, что даже не сказала новому знакомому, куда ему следует «отконвоировать» ее. И она равнодушно осведомилась:

– Куда мы идем?

И снова увидела его подкупающую улыбку. И просто не смогла не ответить. Может, действительно ушел в себя? С кем не бывает.

– Извините, Таня, я задумался. Честно говоря, сейчас мы движемся в направлении к моему дому.

Вот так. Что, сесть прямо на снег от такой наглости или чуточку подождать? Если он такой видный парень, что – ему все позволено? Даже не спрашивая?

Обидеться или списать его промах на «заполярную» жизнь, так или иначе наложившую определенный отпечаток на его поведение? А что вообще она знает о нем?

Татьяна резко остановилась. Они вышли на Большую Песчаную улицу. Она хотела напомнить мягко Николаю, что они знакомы чуть более трех часов, но он, указав на пятиэтажный дом, тихо сказал:

– Раньше в этом доме жил мой друг. К сожалению, он погиб.

В слабом свете уличных фонарей женщина увидела, как дрогнула его рука с сигаретой. Глубоко затянувшись, он выбросил окурочок. Она не знала, что ответить, а он снова замолчал. Станный человек. И ее негодование тоже куда-то испарилось. Как будто он сказал о хорошо знакомом ей, увы, почившем человеке.

– Мне очень жаль, – стандартно посочувствовала она. И после паузы добавила: – Теперь нам придется идти в другую сторону. Но если вы куда-то торопитесь...

Он как-то незаметно взял ее под руку, и они пошли в обратном направлении.

У ее подъезда он повел себя странно – не пропустил даму вперед, а шагнул в темноту первым. Татьяна не могла видеть лица Николая, но могла поклясться себе, что его ноздри впитывают в себя атмосферу замкнутого в бетон пространства. Он нашел ее руку и потянул внутрь.

Возле двери, дождавшись, пока она откроет замки, протянул пакет с вещами для мальчика.

– Удачи вам, Таня. Надеюсь, мы еще увидимся. До свиданья.

Спускался по ступенькам он совершенно бесшумно. Даже подъездная дверь не выдала его, словно он затаился возле нее. Но женщина, стоя у окна, видела своего провожатого. Он отошел от подъезда на несколько метров и, обернувшись, еще раз попрощался с ней взмахом руки.

Татьяна отпрянула от окна. Она рассердилась на своего нового знакомого: возомнил о себе невесть что. Почему он решил, что она обязательно посмотрит в окно? Неужели до такой степени самонадеянный? Часть досады Татьяна перенесла на себя. Зайдя в ванную комнату, посмотрела на обезображенную щеку и повернулась к зеркалу другой стороной. Вот так совсем лучше. Жить бы только одной половиной лица, вздохнула она.

Глава третья

8

В назначенный час Санька был на месте. Он стоял в стороне от входа на рынок рядом с пожилой женщиной, торгующей семечками. Она не гнала его, когда он в очередной раз угощался, прихватывая пригоршней семечки из мешка.

Татьяна издали помахала ему рукой, и Санька, улыбнувшись, тактично сделал шаг навстречу. Но дальше не пошел, бросив взгляд на милицейский патруль на тротуаре. Их не поймешь, сегодня они добрые, даже не посмотрят в твою сторону, а завтра могут поймать и отвести в отделение. Такое чувство, что они даже едят через день.

Сегодня опять было холодно, мальчик опустил клапаны кепки на уши и зябко поводит плечами.

Здороваясь, Татьяна протянула ему руку:

– Как дела?

– Дела у женщин, – заявил Санька, пожимая новой знакомой руку.

Татьяна густо покраснела, опешив: ну и ну!

– Как твой друг? – спросила она, справляясь со смущением.

– Нормально. А вы не в милиции работаете?

– Если бы я работала в милиции, я бы взяла тебя за ухо и отвела в участок.

Беспризорник ухмыльнулся.

– Придется вам в очереди постоять. Вы будете вон за теми, – он указал рукой на патрульных.

– Саша! – Женщина взяла его за руку и отвела в сторонку. – Где ты так научился разговаривать?

– В лицее, – ответил пацан, но тут же осекся. По его лицу пробежала растерянность, и он пристально посмотрел на женщину. Но та, похоже, пропустила его объяснения мимо ушей. Или посчитала их очередной шуткой.

– Между прочим, я старше тебя, – напомнила она. – А со взрослыми так не разговаривают.

– Да, а представились вчера как Таня.

– Это был просчет с моей стороны. – Она передала ему полиэтиленовый пакет. – Я принесла тебе кое-что из одежды. Ты, друг, не хмурься, бери. Хочешь окончательно простудиться? Ты не думай, я ничего не покупала. Если хочешь, это гуманитарная помощь. Как тебе моя идея?

Женщина не давала мальчику вставить и слова, видя его недовольное лицо.

– Надевай, – Татьяна вынула из пакета толстую вязаную шапочку и не очень деликатно напомнила часть вчерашней беседы: – Я отвернусь, чтобы не видеть твои грязные волосы.

Санька улыбнулся.

– Вы думаете, на что я ее буду надевать?

И – снял с головы свою кепку.

Женщина даже не успела смутиться в очередной раз, она смотрела на хорошо вымытые волосы, отливающие золотом. Санька пришел словно на свидание с девочкой, и Татьяна только сейчас обратила внимание на его чистое лицо, руки с «аккуратно» обгрызанными ногтями. Даже синяк не так бросался в глаза. Пока она рассматривала мальчика, он натянул на голову шапку, в простонародье называемую «презервативом», и заглядывал в пакет. Вскоре он обла-

чился в куртку, высокие теплые кроссовки и обмотал вокруг шеи шарф... Несмело поднял глаза.

Он смотрел на Татьяну, и ресницы его подрагивали. Ему было неловко, стыдно – перед собой и перед всеми, что он стоит прилично одетый, словно загодя подготовившись к встрече. Глаза его быстро наполнились влагой. Скрывая слезы, он вдруг прижался к женщине, и плечи его еще долго вздрагивали.

Уже не колеблясь, Татьяна взяла Саньку за руку.

– Пойдем ко мне домой.

Мальчик отстранился от нее. Она снова увидела его глаза и прочитала в них отказ. Он ни за что не согласится остаться в ее квартире. Тепло и уют ему только снились, он также, не колеблясь, принял бы приглашение, но боялся только одного – что вскоре его выгонят. И ему будет невыносимо больно. Унижения, которые он терпел от своих ровесников, от продавцов, бросающих ему подачки, – ничто по сравнению с изгнанием; почувствовать себя окончательно ненужным, оказаться у последней черты, за которой неверие, обман.

Своей маленькой душой он понимал, что порыв женщины искренен, но он может оказаться мимолетным, и он не хотел испытывать свою судьбу дальше. Он уже побывал в одном доме для сирот и сумел выдержать только месяц. Видно, не ту дверь он открыл, не те воспитатели достались ему; и воспитанники, встретившие его, были похожи на маленьких озлобленных зверьков.

Татьяна поняла мальчика и не стала настаивать. Произнеси она хоть слово на эту тему, и Санька вернул бы ей вещи, которые она ему принесла.

Они снова сидели за столиком в закуской с устоявшимся духом водочного перегара. Трое мужчин с опухшими лицами нехотя пережевывали бутерброды с дешевой колбасой, пустыми глазами глядя на пластиковые стаканчики, на столе полупустая бутылка водки. В углу пристроился небритый тип неопределенного возраста, ждет, когда подростки лет семнадцати допьют пиво, чтобы забрать у них пустые бутылки.

Санька согласился на кулебяку, видимо, он очень любил ее, но наотрез отказался от бутерброда с копченой колбасой. Сегодня он ел нехотя, как троица за соседним столиком, правда, в его стакане лимонад, но он ничуть не слаще водки, которую глушат мужики. Он нехотя отвечает на вопросы Татьяны, слушает ее взволнованный голос и только один раз встрепенулся, когда она сказала, что работает в поликлинике.

– А у вас эфедрина нет? – спросил он.

Женщина насторожилась. Эфедрин можно употреблять как наркотик. Наркоманы выпаривают его, получая довольно-таки приличное наркотическое средство.

– А тебе зачем? – спросила она.

– Да говорю, друг болеет. Врачи прописали ему эфедрин, а денег на лекарство нету.

Она покачала головой. На некоторое время задумалась. Потом задала вопрос, который мог все расставить по своим местам:

– Эфедрина нет, но есть трамал. Подойдет? – Трамал употребляют как обезболивающее средство, ничего общего с эфедрином он не имеет, наркоманы также приспособились под него, делая выпарку.

– Подойдет, – кивнул Санька, не почувствовав подвоха. – Можете достать?

– Могу. Только вот это лекарство для взрослых, детям оно противопоказано. Сколько твоему другу лет?

– Ему уже можно, – заверил Санька. – Моему другу скоро... двадцать, – ответил он с некоторой запинкой.

– И он плохо себя чувствует? – продолжала допытываться женщина.

– Очень. Не встает последнее время.

Вот черт возьми... Татьяна, задавая наводящий вопрос, практически пообещала мальчику лекарства. Как теперь отказать? Сказать правду? Этим она только оттолкнет мальчика от себя, а сейчас ей просто необходимо узнать, где живет Санька и с кем. Вполне вероятно, что среди наркоманов, может быть, они заставляют его работать на себя. Даже больше: сам принимает наркотики.

– Вот что, Саша, – сказала она. – Трамал очень дорогое лекарство, лично мне оно не по карману, но случайно у меня где-то остались несколько ампул – три или четыре, не помню.

– Спасибо и на этом, – живо откликнулся мальчик. Как и вчера, он завернул вторую кулебяку в бумагу и положил в пакет. – Сегодня сможете принести?

– Посиди здесь, я вернусь через пятнадцать минут, – пообещала Татьяна.

– Работаете рядом или живете? – спросил беспризорник, насторожившись.

– Работаю.

– Я на улице подожду, – кивнул он, – на том же месте.

Все-таки он опасался, что она вернется не одна. Татьяна согласилась.

Принимая от нее маленький сверток, беспризорник быстро попрощался и также торопливо перебежал дорогу. Но все-таки остановился и махнул рукой. Женщина ответила ему и еще некоторое время стояла неподвижно.

9

Вечером она снова входила в квартиру Аксеновых. Увидев на вешалке короткую кожаную куртку Кавлиса, она захотела тотчас, не попрощавшись, уйти. «Прописался ты тут, что ли», – недовольно подумала женщина, встретив проницательный взгляд Николая.

– Здравствуйте, – довольно сухо поздоровалась она. – А Дмитрия Ивановича еще нет? – спросила она хозяйку.

– Скоро будет. Я передала ему, что ты хочешь с ним поговорить. Обещал не задерживаться.

– Может, мне завтра прийти? – Татьяна готова была отложить разговор на сутки, двое, но только без посторонних. Из категории «новый знакомый» Кавлис, сам того не ведая, уверенной рукой Татьяны резко был отброшен в «посторонние». А может, и догадывался, черт его знает. Смотрит, словно на мишень, видит только яблочко; и ведь не может не заметить, что оно разнобокое. Но виду не подает. Сукин сын!

Наталья подмигнула ей.

– Давай проходи, чаем напою. Коля тоже только что пришел, прямо с мороза.

Татьяна специально села правой стороной к Кавлису, чтобы тот постоянно мог видеть ее пятно.

Слава богу, Аксенов не заставил себя ждать.

– У нас снова гости, – сказал он, заглядывая в комнату.

– Куда ты в ботинках-то! – осадила его жена. – Нормальные люди разуваяются, наверное.

– Вымоете, – сообщил Аксенов, снимая обувь. – Вас в доме две женщины. Кстати, не вижу вторую.

– На улице.

– А уроки сделала?

– Ну ты посмотри какой заботливый! – Наталья подбоченилась. – Ну чтоб тебе каждый день спрашивать про уроки. Нет, спросит только тогда, когда надо ффраернуться перед кем-нибудь.

– Это что еще за разговоры?! – вскипел Аксенов. Его руки невольно сложили шарф вдвое, как ремень для порки. – Чтоб я не слышал больше таких слов!

– А ты чаще прислушивайся к дочери, она тебе и не такое скажет.

– Все? – Дмитрий сурово сдвинул брови.

Наталья мотнула головой и веско сказала:

– Все. Представление окончено. – И снова подмигнула гостье: – Таня, он в твоём распоряжении.

– Могла бы назвать меня по имени, – сердито проворчал Аксенов.

– Это наедине. – Хозяйка гордо удалилась на кухню.

С недоумением посмотрев на шарф в своих руках, следовательно забросил его на вешалку.

Татьяна поспешила извиниться:

– Простите, Дмитрий Иванович, это все из-за меня.

– Зря ты так думаешь, Таня. Обычно мы так и разговариваем. Вот Николай может подтвердить.

– Он становится похож на тебя, – раздался голос из кухни. – Причем с большой скоростью. Скоро из двоюродного брата он превратится в родного, потом вы станете близнецами, и я начну вас путать.

Аксенов театрально простер ладонь: «Ну, что я говорил?» И высказался вслух достаточно громко:

– А ты скоро совсем материализуешься в бормашину – сверлит и сверлит.

– Могу дать совет, – снова откликнулась жена. – Правда, как врач-стоматолог не имею на это права. Почаще чисти зубы вдоль улыбки. И все пройдет.

Кавлис рассмеялся. Аксенов натянуто улыбнулся.

– Однако, – сказал он, – дело прежде всего. Что случилось, Таня?

Аксенов в следующем месяце собирался отпраздновать свое тридцатидвухлетие. Человек среднего роста, он имел, пожалуй, лишний десяток килограммов, и, как бы ни заверяла жена, они с Кавлисом были абсолютно разными людьми, как по характеру, так и внешне. От отца-прибалтийца Николаю достался спокойный и мягкий характер. Аксенов же обладал достаточно вспыльчивой натурой; и если на работе он успешно контролировал себя, то дома все выплескивалось при малейшем толчке. Хорошо еще, что жена научилась понимать его.

– Дмитрий Иванович, – начала Татьяна, – я к вам по поводу мальчика, Сани. Сегодня он попросил у меня лекарства для друга – вначале эфедрин. Потом с моей подачи – трамал. А оба этих препарата можно использовать как наркотик. Я боюсь, что он как-то связан с наркоманами, да и сам может принимать наркотики.

– Так, в общих чертах я понял. Теперь хочу спросить: в чем ты видишь мою помощь?

Татьяна растерялась. Она невольно посмотрела на Николая, словно искала у него поддержки, но тот никак не проявил себя. И она поняла, что зря пришла сюда. Можно было подниматься и уходить. И следовательно не обидится, как всегда, поможет ей надеть пальто, услужливо распахнет дверь.

В чем я вижу его помощь... Складывается такое впечатление, что это любимый вопрос Аксенова, так он красиво высказал его, в нем все – и вопрос, и ответ, и отказ. Поворачивай как хочешь. Ловко. В лучшем случае ему действительно подскажут, и он решит, воспользоваться советом или нет. В худшем – если промолчат, оставит без внимания. Но и он окажется не в проигрыше. Так всю жизнь можно прожить, не думая, и в то же время не прослыть дураком.

– Я не знаю.

Сейчас ей пора повториться, сказать, что мальчик в тяжелом положении, недавно его избили и так далее, а потом снова выслушивать сочувствия, те же советы типа «выкинь...», «раз и навсегда...». Но этот вариант ее не устраивал.

Так зачем же она пришла? Чтобы мысленно нахамить в общем-то хорошим людям, которые всегда относились к ней с симпатией? Похоже, так. Что из того, что они не видят проблему там, где для нее она просматривается довольно четко. Это называется разными взглядами на

вещи, и если начать костерить всех, кто не поддерживает твою точку зрения, совсем скоро останешься в одиночестве.

Нет, последнее время я стала какая-то злая, как старуха, так невозможно. Просто есть вещи, с которыми нельзя идти в люди, их надо держать в себе, никому не показывая. Увидят – засмеют. Обругают – еще больше озлобишься.

В этот раз она категорически отвергла предложение Николая проводить ее домой. Хватит, напровожались.

– Нет, Коля, одна я доберусь быстрее. Вы плохо знаете наш город. И людей, – добавила она, выходя из квартиры.

Кавлис покачал головой. Татьяна ошибалась, людей бывший майор спецназа изучил хорошо, видел таких, которые могут присниться только в кошмарном сне. И других, может быть, не идеальных, но неповторимых – это точно.

10

Несмотря на неудобное для отпусков время – октябрь, холодный, как в 1917 году, сержант Зубков написал заявление на отпуск. Его отпустили. И он коротал время у себя дома, поджидая гостей каждую секунду. Часто, черт бы ее побрал, приходила Даша Котлярова, и они ждали вместе. С одной стороны, он был ей благодарен, при ней, возможно, его не убьют – изобьют до неузнаваемости – да. С другой – он по-прежнему ненавидел подругу, которая стала причиной его теперешнего положения. Он не узнавал себя. И Дашу. Она оказалась сильнее его, не сдавалась, что-то говорила о треклятых долларах, которые будут принадлежать только им, это сейчас они как бы в подвешенном состоянии, а когда пройдет время...

Он плохо слушал девушку. Чем больше проходило времени, тем меньше у него оставалось шансов. И если бы Даша говорила совсем другое: «Сознайся, я подтверждаю, что тот парень первым напал на нас, а ты защищался. Тебе поверят – ведь ты милиционер! Тебя простят – ведь ты сознаешься», – то в конце концов Зубков сдался бы под ее натиском и, прихватив с собой «дипломат», посидев на дорожку, отправился бы в родное отделение милиции.

Раньше, когда Зубкову приходилось присутствовать в залах судебных заседаний, он всегда смеялся над последними словами подсудимых, что, мол, они и так понесли суровые душевные наказания, никакой суд не в состоянии вынести такого приговора, который подсудимый вынес себе и уже несет его непосильный гнет. Сейчас он понимал таких людей, так как стал таким же. Он уже наказал себя, да еще ждет приговора. И отчетливо видел в зале судебных заседаний сопливого милиционера: тот сидел и пренебрежительно скалился, не веря Зубкову, который что-то бормочет со скамьи подсудимых о душевных муках.

Как же он влип!..

И выхода нет. Разумом понимал, что единственный приемлемый вариант – явка с повинной. Но на суде будут присутствовать десятки знакомых, и самое обидное то, что все они будут улыбаться.

Иногда Зубков напивался, в таком состоянии он был готов встретить серьезных людей, которые набьют ему рожу; отчасти в нем просыпался трагик, который пьяно гремел: «Людей! Хочу серьезных людей немедля!»

Но они что-то мешкали. Может, дают вкусить ему все прелести его теперешнего состояния? Нет, они, конечно, люди серьезные, но далеко не дураки. И снова пьяно звал он серьезных недураков побыстрее явиться к нему. Когда они заберут «дипломат» с деньгами, он крикнет: «И Дашу, Дашу заберите с собой!»

Он начал потихоньку сходить с ума. Чертовы деньги! Чертовы преступники – довести милицию до такого состояния!..

И Даша стала совершенно ненормальная. Слава пьяный, а она подсовывает ему учебник: «Правоохранительные органы. Вопросы и ответы»! Учись, мол, Слава, скоро тебе сдавать экзамен, не забыл, что ты учишься на юрфаке? Действительно – стерва! Ничего святого за душой. А родители хорошие. Хотя кто это сказал? Может, такие же, видел-то он их всего один раз. Но приветы передают через дочь регулярно, спрашивают, почему он не заходит.

– А ты возьми и скажи, почему я не прихожу!

– Не психуй, все еще образумится.

– Пошла к черту! Ты мне надоела!

– Все?

– Все.

– Бери учебник и занимайся.

Нет, надо было пристрелить ее, привезти в гараж, заставить вытащить из собственного тела пулю и выкопать себе могилу. Так, когда я с ней познакомился? Слава, вспоминая, подошел к настенному календарю и жирно заштриховал дату – четвертое сентября этого года. Демонстративно повернулся к девушке: глаза шальные, блестят, волосы всклокочены, шариковая ручка в руках подрагивает. Даша сидит перед открытым «дипломатом», тонкие пальцы перебирают деньги. Она поднимает глаза: в них все, включая любовь к деньгам и Славе – в самом прямом смысле слова.

Глава четвертая

11

Грузчик в грязном полинявшем халате, надетом поверх телогрейки, катил тележку по проходу рынка, монотонно выкрикивая: «Дорогу!» Рядом семенил Санька, поддерживая коробки. Они развезли товар по секциям, и рабочий, поделившись с мальчиком деньгами, загнал тележку на склад.

На выходе Саньку уже поджидали два пацана лет четырнадцати. Один из них ухватил его за отвороты куртки.

– Ты опять здесь крутишься? – угрожающе произнес он. – Тебе сколько раз говорить, чтоб ты исчез отсюда? Опять хочешь по соплям получить?

– Смотри, как он вырядился, – добавил второй и наступил грязным ботинком Саньке на ногу. – Откуда такие шмотки? Брат с Севера приехал?

Санька побледнел, поняв, что сегодня ему снова быть битым, но смело сказал:

– Да, брат приехал. Убери ногу.

– Чего?!

– Что за шум? – проходя мимо, осведомился парень лет двадцати, в работу которого входило обходить прилавки и собирать с продавцов дань. Паренек был из местной братвы.

– Да вот, – ответил один подросток, заискивающе глядя на братка, – крутится тут мелочь всякая. Никак до него не дойдет, что тут все занято.

– Точно, – авторитетно подтвердил парень, останавливаясь, – территорию надо делить, а то порядка не будет. – Его никогда не привлекали к «большим» разборкам в бригаде – слишком мелок для этого, по сути, «шестерка», одни только разговоры, и ему интересно было посмотреть на разборки маленькие.

– Понял, ты?.. – Подросток сделал ложный замах рукой, вторая готова была сорваться с места.

Санька невольно зажмурился...

Но никто его не ударил. Он услышал стон и открыл глаза.

Перед ними стоял высокий человек в короткой куртке, без шарфа и головного убора. Взгляд его был холоден. Такой запросто мог приехать с Севера. Он крепко держал подростка за руку.

– Нечестно – трое на одного, – произнес он, отпуская руку.

– А ты кто? – встрял браток. Но внутренне напрягся. Это не его дело – следить за порядком на рынке, но сорвалось маленькое представление.

– Я – самая большая неприятность в твоей жизни, – стандартно пояснил Кавлис. Он взял дрожащего Саньку за руку. – Ты можешь еще пару секунд посмотреть на меня, – добавил он. – Третья окажется для тебя роковой.

Самоуверенность незнакомца «сборщику податей» не понравилась, он действительно мог найти приключений на свою задницу. Крутых на рынке – как семечек в стакане. Он быстро вспомнил свои обязанности и резко отвалил.

Пацаны тоже посчитали за благо удалиться. Но один из них издали показал Саньке кулак.

– Ну что, пошли? – спросил Николай, улыбаясь мальчику.

«Вот и все, – подумал Санька, – снова в приемник».

Этот мужик был похож на милиционера. Один раз его «взяли» подобным образом на автовокзале. Подошел мужик в штатском, подмигнув, ухватил за руку и поволок в дежурную

часть при вокзале. А мальчик просто смотрел, как пацаны играли на игровых автоматах. Потом компанию ему составили еще пять беглецов. Дальше – уже знакомая дорога в спецприемник.

Санька сделал попытку вырваться, но незнакомец держал его крепко.

– Я все равно убегу, – твердо пообещал мальчик.

– От меня не убежишь, – успокоил его Кавлис.

– Я убегу, – снова заверил беспризорник. – И не от таких убегал.

Николай рассмеялся.

– Может, я особенный.

– Особенными бывают только плавленые сырки и майонез, – объяснил Санька.

Кавлис покачал головой:

– Да, брат, ты за словом в карман не лезешь.

– Я вообще по карманам не лазю.

– О... – покачал головой Николай. – В школе по-русскому у тебя была двойка.

– Ну вы такой проницательный, сил нет! Давайте, ведите меня, мне быстрее убежать надо.

На Пятигорскую повезете?

– На Большую Песчаную, – последовал странный ответ незнакомца.

Санька нахмурился.

– Что-то я не слышал, чтобы там приемник был.

– Там, брат Санек, все есть: и приемник, и телевизор.

– И решетки на окнах, – добавил мальчик, стараясь идти в ногу с остроумным незнакомцем.

– А вот решеток нет, брат.

– Что вы все – брат да брат... – недовольно пробурчал мальчик. – Нет у меня никаких братьев. А такой, как вы... лучше вообще одному.

– Как это нет? Я слышал, как ты говорил про брата, который одежду тебе привез.

– Это мне сеструха подогнала. Можете у нее спросить.

Санька вдруг нашел выход из трудного положения. Вернее, ему показалось, что с помощью своей новой знакомой он сумеет выкрутиться. Он замедлил шаг и перешел на официальный тон:

– Слушай, командир, у меня точно сеструха есть, недавно объявилась, в больнице работает. Ну давай к ней зайдем, тут рядом. Давай, а?

Кавлис остановился, задумавшись. На его лбу проявились глубокие морщины. Пока в его планы не входила встреча с Татьяной.

– Не знаю, как и быть... Рискнуть, что ли?

– Рискни, командир, ну чего тебе стоит.

Глаза Саньки сделались просящими, однако он снова насторожился, «командир» как-то легко согласился. Может, человечный попался?

– В какой больнице работает твоя сестра? – спросил Николай.

Санька воспрянул духом.

– Она одна тут, пошли. – На всякий случай проверил хватку мужика – хорошая хватка, вырваться можно, только оставив кисть в его руке.

Николай продолжил опрос.

– У сестры есть фамилия?

Санька чуть не ответил «манда кобыля», но вовремя спохватился.

– Есть, есть, – горячо заверил он, не зная продолжения. Однако экстремальная ситуация снова подсказала выход. – Только я ее не знаю.

– Как это?

– Да вот так! Замуж она недавно вышла, – выкрутился беспризорник, – сменила фамилию. Мне сказать не успела. Так что искать ее будем по приметам. У нее на щеке здоровенная родинка, – пояснил он.

– Значит, родинка.

– Да, с ваш кулак будет.

– Родная сестра-то?

– Еще бы! Одна кровь! Сами увидите.

Первым делом Санька потянул Кавлиса к регистратуре. Николай, улыбаясь, отдал инициативу мальчику. Тот встал на цыпочки и, заглядывая в окошко, уверенно стал наводить справки.

– Мне Таню, рецепт подписать. У нее вот тут родинка, забыл, в каком она кабинете работает.

– Двести четвертый, – ответила регистраторша, взглянув в расписание. – Сейчас ее смена.

Санька облегченно выдохнул:

– Ну вот, нашел. В двести четвертом кабинете работает сестра, как раз ее смена.

Возле кабинета скопилась очередь человек в шесть, пациенты дружно накиннулись на Николая:

– Куда вы без очереди?!

Санька приложил к груди руку.

– Мы не на прием. Он, – мальчик указал на провожатого, – вообще в кабинет не зайдет.

– Все равно врача отвлекать будете.

– Так я к медсестре!

Беспризорник требовательно потянул руку, его глаза говорили: «Ну из кабинета-то, наверное, я не убегу».

Кавлис разжал ладонь.

Санька шмыгнул в кабинет.

Татьяна, увидев его, ахнула:

– Саша!.. Ты как тут оказался?

Мальчик быстро приблизился к ней.

– Тихо! – предупредил он, оглядываясь на дверь. – Замели меня. Мент со мной пришел, я сказал ему, что ты – моя сестра. Выручай, а? Я для тебя все сделаю. Ну нельзя мне сейчас в приемник, никак нельзя. Друг один останется, у него ноги не ходят, помрет человек.

– Хорошо, – сказала Татьяна, поднимаясь из-за стола. – Что я должна сделать?

– Подтвердить – и все. Мент вроде бы не гнилой попался. Но лох, поверит сразу.

От стоматологического кресла раздался женский голос:

– Так вот ты какой, Саша... – На него глядели улыбочивые глаза врача.

– Ага, – подтвердил он, бросив на стоматолога мимолетный взгляд. – Давай, Танька, выручай. А вечером куда-нибудь сходим.

Аксенова, включившая было бормашину, выключила ее, руки врача подрагивали.

– Про мою фамилию будет спрашивать, – сказал Санька Татьяне, – скажешь Шепелев. Ты – тоже, запомни, – погрозил он пальцем. – Но только ты недавно вышла замуж, поняла? И сейчас у тебя другая фамилия.

Татьяна застыла на месте.

– Твоя фамилия Шепелев?

– Ну да. А ты что, букву «ш» не выговариваешь?

– Так я тоже Шепелева.

– Не может быть... – мальчик часто заморгал глазами. – А может, мы родственники?

Некоторое время постояв в раздумье, Татьяна вышла из кабинета. Санька обратился к Аксеновой:

- Во влип!.. – И покачал головой. – А вы зубы вырываете?
- Удаляю, – поправила его врач. – А что, у тебя зуб болит?
- Не у меня, у моих друзей. Им бы все зубы повырывать. Без наркоза.

То, что случилось дальше, Санька никак не ожидал. Открылась дверь, и в кабинет вошла Татьяна. Вслед за ней мент с разочарованным лицом. Качая головой, тот произнес:

- Что ж ты, Саша, обманул меня?..

Санька обмяк. Он укоризненно посмотрел на Татьяну: «Эх, сеструха, сеструха... Сдала... А ведь все сходилось, даже фамилия одна, врать не надо». И снова стал искать пути к спасению, он еще не сдался. На худой конец врачаха могла сойти за его мать. Но от этой мысли Саньку стал разбирать смех. Но он мигом посерьезнел. Было бы лето, он бы сиганул прямо со второго этажа в открытое окно – он легкий, не разобьется, но сейчас зима, окна не только закрыты, но и проклеены бумагой.

Он примерился на мента, как матадор на быка, и неожиданно кивнул ему:

«Ну что?»

Тот пожал плечами.

У Саньки внезапно разболелись все зубы. Появилось желание сесть в стоматологическое кресло и позволить врачихе расверлить их все сразу. А пока она сверлит, потихоньку стянуть баночку с мышьяком и накормить мента ядом.

Что же делать?

Все молчали. Больше всех пациент с разинутым ртом в кресле. Тот запросто мог сойти за его деда. Больше в кабинете никого не было.

А может, мент тоже Шепелев?

Нет, скорее всего Скорохватов.

Санька громко шмыгнул носом, его взгляд метался от одного к другому. А если надавить на жалость? Заплакать? Ну уж нет! Не дождетесь! Правда, вчера он не сдержался и заревел, как девчонка. Но то произошло помимо воли. Саньке на какое-то время Татьяна напомнила мать, от нее исходило тепло, она была добрая, ласковая. И он обнял ее. Через толстую шапку чувствовал ее горячие ладони, и ему казалось, что она тихо прошептала: «Сынок...»

Сейчас она рядом. Мальчик не держал на нее зла, в нем зародилась и тут же пропала легкая обида, совсем как к матери, когда она, по его мнению, несправедливо наказывала его. Он никогда надолго не обижался на мать, не ходил с надутыми губами, бровей не хмурил. Он любил ее. Вдвойне, потому что, сколько себя помнил, рядом с ним была только она, больше никого.

Эти воспоминания он перенес на Татьяну и вдруг понял, что ему не обязательно «давить на жалость», еще чуть-чуть – и он действительно заплачет. Она смотрит на него, в ее взгляде сквозит сожаление. Но может быть, еще не поздно? Стоит только поговорить с этим человеком. Ведь он, в сущности, неплохой мужик, иначе не стоял бы сейчас Саньке в этом кабинете.

Мальчик перевел взгляд на своего провожатого. Ну чего тебе стоит? Ведь все тебя просят, посмотри на врачаху, на сестру... Мало тебе, загляни в рот больному.

– Саша, – дрогнувшим голосом произнесла Татьяна, – познакомься: это Николай, мой знакомый. Но честное слово, я не знала, что он придет за тобой. Ты веришь мне?

Знакомый?..

Санька тяжело слотнул. Может, его все-таки отпустят. Да нет, наверняка отпустят. Вон врачаха пустила слезу, неужели не проникнется человек. И ведь с самого начала знал, что Таня – не сестра ему, приметы выложил, про родинку рассказал, что в больнице работает, а пошел.

И вдруг Саньку прострелило: не милиционер это. Нет, не мильтон, точно. А кто же тогда? Ведь бритоголовый парень, который собирает оброк на рынке, шархнул от него, как от мента. Вернее, от его взгляда и слов. О, Санька видел его глаза: почти черные, насмешливые

и в то же время какие-то усталые. Сейчас они смотрят на него по-другому, стали еще чернее, усталости – больше.

Тогда кто же ты?

Санька перебрал всех: Таня была для него сестрой, врачаха подходила на роль матери, пожилой мужчина в кресле – на деда; а этот... Почему же его пропустил Санька, а ведь он несколько раз назвал его братом.

Санька совсем запутался. Ему захотелось остаться одному, пусть даже в приемнике-распределителе, и не видеть ничьих лиц. Почему весь этот сложный ком обрушился на него? Почему еще вчера он был один, но более-менее спокоен, почему он долгое время не думал о родственниках, а сейчас перебрал всех, захотел вдруг иметь их. Ситуация... Но не в ней дело, устал он, он еще маленький, а борется за жизнь не хуже взрослого; и не каждый взрослый человек выдержит то, что испытал Санька.

И он забился в сильных руках Кавлиса. Николай, словно предчувствуя эмоциональный всплеск мальчика, мгновенно оказался рядом и прижал к себе...

Что творится с Санькой последнее время? Суток не прошло, а он во второй раз попадает в объятия. И слышит извиняющийся голос Таниного знакомого:

– Дошутился... Прости, Саня, это я виноват.

О чем он говорит? Да за это тысячу раз простить можно.

12

Санька едет в такси. Его везут на Большую Песчаную. В машине тепло, пахнет куревом, от Николая исходит терпкий аромат одеколona. Его сильная рука обнимает Саньку за плечи.

По другую сторону мальчика – Таня. Украдкой он бросает на нее взгляды, видя ее большую родинку, и такое чувство, что знает он ее давно-давно, только вот вспомнить не может, откуда.

Санька смирился, он поверил этим людям, они его не бросят, и он из маленького мужичка стал стремительно падать снова в детство. Рядом с сильным Николаем и Таней почувствовал себя маленьким мальчиком, каким и положено ему быть в его девять лет.

А что дальше?

Вот теперь на этот вопрос он уже не мог найти ответа, на него знают ответ только взрослые, которые сидят по обе стороны от него. Все правильно. И у него язык не повернется поблагодарить их. Почему – тоже не знал. Это все равно что заехать другу по уху.

Зимой путь всегда кажется длиннее; путь домой – всегда короче.

Санька задремал. Он тихо сопел носом, привалившись к Николаю. Шапка сползла с одного уха, и он стал похож на спящего гномика.

Наконец-то расслабился. Раньше не спал, а забывался сном, вздрагивая от постороннего шума, и дрожал от предчувствия облавы. И только одному человеку он рассказал, как летом ему почти повезло.

Летом Санька помогал сторожу на дачном массиве охранять дачи. Сезонная работа, хорошая, сладкая. Не за деньги, просто так, за угол в сторожке, за кормежку. Мальчик однажды был пойман этим же сторожем на даче, где угощался зелеными яблоками, и тот, проникшись к сироте, взял его себе в помощники. Но Санька так и так делал набеги на участки, однако теперь в его действиях проявился определенный «человечный» график. Он никогда помногу не рвал клубники с одной грядки – всего несколько штук, и переходил на соседний участок; быть у воды, говорил ему начальник, и не напиться?!

Напивался он часто. Пробуждаясь, пьяно ставил все по своим местам, обращаясь к мальчику: «Я каменщик – ты подсобник».

Саньку заметил офицер-связист Олег Танеев, чья дача была рядом со сторожкой. И сама воинская часть была неподалеку. Капитан несколько раз приглашал мальчика пообедать, расспрашивая его о родственниках. Однажды он спросил:

– Саня, знаешь, кто такие воспитанники?

О, мальчик это слово знал очень хорошо и не любил его. Однако офицер предложил совсем другое, неведомое пока Саньке.

– Сейчас во многих частях появились воспитанники – вот как ты, у кого нет родственников. Они живут по внутреннему распорядку части, несут службу, учатся. У нас пока таких нет. Хочешь быть первым?

– Что, и форму дадут? – удивился Санька.

– Конечно! Сапоги, ремень, все как положено. Командир части в отпуске, я согласовал этот вопрос с его заместителем. Ему эта идея понравилась. Желает познакомиться с первым воспитанником. Хочешь пойти в часть?

Еще бы он не хотел!

Санька всем понравился. Его накормили, вымыли в солдатской бане. Портной – Алик Абрамян, веселый черноглазый парень, за один вечер перекроил форму для первого воспитанника и самолично подшил белоснежный подворотничок. Сапоги, правда, оказались несколько великоваты, но в мысы натолкали бумаги. И Санька, одевшись, подтянув ремень с начищенной бляхой, сразу почувствовал себя настоящим солдатом. И еще пилотка. О, эта солдатская пилотка! Именно она окончательно преобразила маленького солдата.

Спать его определили в казарме первой роты, хотя за него происходила настоящая борьба, все хотели иметь воспитанника в своем подразделении. Саньку по-настоящему опекали, но от общепринятых правил не отступали. Как ни готовил себя молодой боец к утреннему подъему, но все ж таки проспал побудку. И тут же был «обласкан» старшиной роты прапорщиком Еремеевым:

– Курсант Шепелев! Вас что, команда «подъем» не касается?! А ну-ка – голый торс, и марш на зарядку!

И Санька – руки у груди, вместе со всеми делает зарядку. Раз-два, корпус вправо, рывок руками. Три-четыре – в другую сторону. Завтрак в солдатской столовой, кружочек масла на куске белого хлеба, рисовая каша, стакан горячего чая. Потом он учился печатать шаг, отдавать честь, вникал в абракадабру «раняйсьс-ссырна-ранение-н-средину!» И интуитивно выполнял команду.

До тех пор, пока из отпуска не вернулся командир части. Полковник просто позеленел от бешенства, когда увидел марширующего на плацу Саньку. И – тотчас вызвал к себе заместителя подполковника Роговцева. Не вдаваясь в детали, коротко приказал:

– Чтоб духу здесь не было этого скомороха!

– Но, товарищ полковник... – заикнулся было Роговцев. Командир был непреклонен.

– В других частях пусть что хотят вытворяют, хоть ишаков по плацу гоняют. Мне проблем со срочниками хватает.

Саньке ничего не сказали, весь день вместе с Аликом он просидел в бывшей ленинской комнате, где отыскался учебник истории за десятый класс; и армянин усталым голосом читал и читал...

Вот как и сейчас в машине, Санька задремал. Проснулся от чьего-то прикосновения. Открыл глаза: перед ним стоял старшина Еремеев. Прапорщик лично принес обед для курсанта в роту, объяснив, что жаль было будить хлопца. А Саньке хотелось строем пройти в столовую вместе со всеми.

Вечером в роту пришел капитан Танеев, который больше всех переживал за мальчика, так как именно он привел его в часть. Но Олег пока не терял надежды, решив поговорить с

командиром части. Полковник не принял его. Танеев решился на последнее средство: поговорить с командиром у него дома.

И вот, прихватив с собой Саньку, на которого с завистью смотрели ровесники на улице, Танеев направился к командиру части.

Дверь открыл сам полковник. Он снова изменился в лице. Поиграв желваками, он кивнул капитану: «Зайди», а Саньке бросил:

– А ты стой тут!

Бравый командир, строгий, как и положено.

Курсант лихо козырнул и остался стоять на площадке. Вначале он не вслушивался в голоса, которые довольно громко раздавались из-за двери, но вот его насторожили слова полковника. Губы Саньки дрогнули; и чем больше он слушал, невольно стоя по стойке «смирно», тем больше дрожал. Слова полковника резко контрастировали друг с другом: выкидыш и сиротинушка, набор грязных слов. И последнее, которое тупой бритвой садануло мальчика по сердцу: «На х. никому не нужен».

Слезы текли по щекам Саньки, когда он у дверей командира части торопливо снимал с себя подогнанную Аликом форму, сапоги. Но не бросил все это, а аккуратно положил под дверь. Сняв пилотку, он последний раз дотронулся до красной звезды. И в трусах и майке бросился вон из подъезда.

Может быть, Олег Танеев искал его, Санька об этом не ведал, в сторожке дачного массива он больше не показывался, «сладкая» жизнь для него закончилась. Не знал он и как теперь верить людям, взрослым. По сути, его не обманули, но дали понять его место в этой жизни одной короткой фразой: «...никому не нужен».

Но, оказывается, нет. Он просто не мог не поверить Николаю, Тане, что с ним может повториться что-то подобное. Наверное, такое случается только раз в жизни. А если нет? Он даже не знал, как он снова переживет предательство. Наверное, не переживет.

И вот он дремлет в машине, едет на Большую Песчаную, скоро войдет в квартиру, которая когда-то была густо заселена.

* * *

Кавлис открыл дверь и посторонился. Санька, тяжело вздохнув, занес ногу. Но Николай остановил его.

– Даму нужно пропустить первой.

Мальчик торопливо встал по другую сторону.

– Как сквозь строй, – улыbnулась Татьяна, входя в квартиру.

– Ну, теперь ты.

И Санька сделал шаг. Очень большой шаг в своей жизни.

Квартира Алексея Ремеза...

Бойца спецподразделения «Черные беркуты». Это его фотографию на стене сейчас рассматривает Татьяна. Чуть склонив голову набок, она вглядывается в мужественное лицо морского пехотинца. Позавчера Николай сказал, что живет в квартире своего погибшего друга.

– Это он? – спросила она, словно они и не прерывали разговор.

– Да, это Леша.

– Молодой...

– Через три дня ему должно исполниться двадцать пять лет... Мне эта квартира дорога как память. Из всех родственников, которые остались у Алексея, самой близкой оказалась его троюродная сестра, живет на Алтае, родине Алексея. Я предложил ей переехать в его квартиру, но она отказалась. За девять лет службы в спецназе у меня на счету не оказалось достаточной суммы, чтобы купить эту квартиру, Дима помог и друзья. Деньги отослал Лешиней сестре.

Кавлис взял мальчика за плечи.

– Посмотри, Саша, на этого человека. У него было по-настоящему большое сердце. Он погиб у меня на глазах... Когда-нибудь я расскажу вам об Алексее Ремезе. А сейчас приводим себя в порядок, готовимся к роскошному ужину. Как старший по званию распределяю обязанности. Саня, ты яростно трешься мочалкой в ванной. Таня отправляется на кухню. Холодильник, шкафы, раковина – все в твоём распоряжении.

Вот так они перешли на «ты». Хорошо перешли, ознаменовав это очень важным событием.

– А ты что будешь делать? – улыбнувшись, спросила Татьяна.

– Меня ждут магазины «Детский мир» и продовольственный. Машины у меня нет – пока я без работы и весь в долгах, так что ждите меня только через час-полтора. После ванной закутай нашего малыша в простыню и помести на кровать. Дай в руки какую-нибудь книгу.

Наш малыш...

Татьяна попробовала эти слова как бы на вкус и даже задрожала от возбуждения, словно ее кожи коснулись губы Николая, его руки. Татьяна вспыхнула; и она боялась пронизательности Кавлиса, ведь позавчера вечером он точно угадал, что она будет смотреть ему вслед. А сейчас ей показалось, что он прочел ее мысли. А может, это она прочла его собственные?

И Николай сделал, казалось, невозможное. Он приблизился к женщине, положив ей на плечо руку, и нежно поцеловал в губы. Провел ладонью по ее волосам, чуточку задержав ее на шее.

Горячая ладонь прожигает насквозь. Его близость кружит голову, отдается хмельными толчками. И Татьяна еле различила его слова:

– Я постараюсь не задерживаться.

А Саньке «наш малыш» не очень понравился. Он несколько смутился от проявления «телячьих нежностей» Тани и Николая, но не пропустил ни одного их взгляда, движения. Когда за Николаем закрылась дверь, а Таня резко опустилась на стул, он пошел в ванную. Но скоро вернулся.

– Таня, там колонка, я не умею ее разжигать.

– А?..

– Ну все понятно, – сказал Санька. – Придется научиться самому.

Глава пятая

13

Виктор Толкушкин совершил роковую ошибку, набрав номер телефона своей подруги. В то время, когда отсутствовал Санька, Виктор, опираясь на лыжную палку, пробовал ходить. С первыми же шагами в голове меркло от боли, но он упорно, чувствуя, как передвигаются внутри изувеченного колена осколки кости, делал шаг за шагом. И прикидывал, хватит ли ему сил подняться наверх, дойти до дверей котельной и преодолеть еще с десятков метров до телефона.

Ему просто необходимо было позвонить Елене, сказать ей, что он жив. Он мог бы попросить Саньку сделать этот звонок, но Лена может не поверить, ее сразу насторожит незнакомый, тем более детский голос, и она почувствует подвох. Единственный выход – звонить самому.

Интересно, думал он, как отреагировал на детский голос Сергей Марковцев, на голос, предложивший ему срочно убраться из города? По идее, Сергей должен внять угрозе, но факт, что звонил не сам Виктор, урезал эту угрозу наполовину.

Санька, выполняя просьбу друга, даже не догадывался, кому звонит. Также он был в абсолютном неведении, что Виктор в его отсутствие тренируется в ходьбе, искренне удивляясь, почему так долго не заживает его рана.

Но вот вчера, когда в определенное время мальчик не появился, Толкушкин понял, что помощь Саньки ему больше не нужна. Он в течение пяти минут, обливаясь потом, ходил по бетонному полу. Тогда он решил, что эту ночь он как следует отдохнет, а завтра около четырех часов, когда закончатся занятия в лицее, поднимется наверх. Зайдет в котельную, похожий на типичного бомжа – давно немыт, трехнедельная щетина походит на бороду, в руках бутылка водки, которую Санька по его просьбе купил еще на прошлой неделе.

Конечно, объяснима и причина его появления: есть водка, не с кем выпить, на дворе холодно, забрел вот на территорию лицея погреться. Дежурный кочегар от выпивки не откажется; и уж, конечно, разрешит позвонить. А там, через час-другой, придет Ленка, заберет его. Но повезет не к себе домой, у нее по-прежнему может быть опасно, найдет место, у нее будет время подумать.

Лена...

Они знают о ней. Это большая глупость со стороны Виктора. Но если бы можно было заглянуть вперед, он бы и словом не обмолвился ни Качуре, ни Ещеркину, ни самому Марковцеву. Но с Леной они ничего не сделают. Конечно, если они не последуют его совету, переданному через мальчика. Первое время она будет под постоянным наблюдением, в этом не приходилось сомневаться, приставят к ней пару человек. Но прошел почти месяц, тут всякое можно предположить, например – нет больше в живых Виктора Толкушкина. Или ради огромных денег бросил даже подружку.

Почти месяц...

Несомненно, они понимают, что Виктор может выжидать, даже делает это, но месяц – очень большой срок. А в его положении главное – даже не осторожность, что тоже немало важно, а скорость. Но он, противореча логике, сделал все наоборот. Правильно или нет, подскажет время.

Роскошные японские часы на руке Толкушкина показали ровно 16.00. Пора. Он, глубоко выдохнув, взялся за палку. Легко дойдя до двери, порадовался: особой боли не ощутил. Так же, едва касаясь больной ногой пола, преодолел пару первых ступеней.

Стоп!

Теперь чуть отдохнуть – и снова в путь...

Сделал неловкое движение, колено, казавшееся пластилиновым, тут же дало о себе знать...

Отдыхал ровно пять минут, спешить некуда, главное – не загнать себя.

Он выбрал оптимальный темп, стук палки о ступени походил на щелчки метронома. К концу пути, все более воодушевляясь, он уже гнал из своего тела боль, и она послушно покидала искалеченную ногу.

Открыв дверь, Виктор осмотрелся, с видимым наслаждением втягивая бодрящий морозный воздух. Появилось желание стоять долго, щурясь отвыкшими от дневного света глазами на синее небо, краем глаза ловить лучи склонившегося, словно в раздумье, красноватого солнца. Взять пригоршню снега, умыться, покатать во рту ледяной шарик, чувствуя, как тот тает, но не теряет своей освежающей прохлады. Под конец, когда тот станет совсем крохотным, проглотить его.

Виктор Толкушкин снова возвращался к жизни. Он не похоронил ее, сидя в подвале, но забыл ее вкус. А он оказался таким простым – обыкновенный вкус снега, пьянящий, вскруживший голову.

Он долго мял в руке снег, пока тот не стал сероватой спрессованной массой. Заломило зубы, онемел язык, пресный вкус разлился во рту, заставляя закрыть глаза. Вот оно, обезболивающее средство...

14

Прежде чем захлопнуть за собой дверь квартиры, Санька вернулся, чтобы еще раз проверить, выключил ли он газ. На всякий случай совсем обесточил телевизор, вытащив вилку из розетки. Посмотрел на часы: начало пятого. Николай ушел из дома полчаса назад, обещая вернуться к шести. И Санька к этому времени вернется, встанет у двери. Дорогой ему предстояло решить: врать Николаю или сказать правду. Обманывать не хотелось, хотя причина налицо: вышел на минутку посмотреть почту, а дверь захлопнулась.

Нет, не пойдет. Выходит, он вышел за почтой одетым, как на Северный полюс. Можно сказать, что он и так простужен, боится сквозняков в подъезде. Но это «чисто взрослая» отговорка, Коля ни за что не поверит.

А что, просто вышел погулять во двор, от подъезда не отходил. Точно: захотел познакомиться с соседскими пацанами. И не спускал с подъезда глаз, то и дело бегая на этаж.

Это сойдет.

А лучше сказать правду.

Вообще, Санька не любил врать, обманывая только в крайнем случае, когда сама правда казалась ложью. И он должен честно начать новую жизнь. Да и Таня знает про его друга, что он болен, разве он не вправе навестить его? Конечно, способ не очень удачный, как-то украдкой, но все это от прежней жизни, – привычка, что подделаешь, приходится соблюдать осторожность. Но все это пройдет. В следующий раз, как и полагается, он спросит разрешения.

Эх ты! Мелочь забыл захватить. Придется теперь пешкодралом добираться до лица. Раньше, когда ему случалось ездить на городском транспорте, билета с него кондукторы не требовали, за километр было видно, кто он такой. А сейчас – прилично одетый, с пакетом в руке – могут и контролерам сдать.

* * *

Нога по-прежнему не слушалась, но и болеть перестала. Виктор уверенно открыл дверь котельной. Ощущение свободы вмиг пропало, едва его ноздрей коснулась здешняя душная атмосфера. Обрушившаяся на него жара подействовала угнетающе; но взгляд, брошенный на телефонный аппарат, успокоил его.

Дежурный кочегар – худощавый мужчина лет сорока с усталым лицом – надолго задержал подозрительный взгляд на штанине брюк незнакомца, порванной в районе колена, с засохшими, кофейного цвета пятнами, похожими на запекшуюся кровь.

Толкушкин проследил его взгляд, улыбнувшись, приподнял лыжную палку.

– Разбил ногу на прошлой неделе, – пояснил он.

– Ну и?.. – Кочегар ждал продолжения. По идее, он мог сразу попросить незваного гостя покинуть помещение котельной, но его взгляд переметнулся с ноги парня на карман куртки, где он узрел горлышко непечатой бутылки. Водка, мгновенно определился он. Поэтому ждал продолжения.

– У тебя стакан есть? – спросил Толкушкин.

– Найдем, – откликнулся кочегар. – Присаживайся. – Теперь самое время проявить себя сердобольным: – Как это тебя угораздило?

– Гололед, – объяснил парень, глядя на стол: телефон находился на расстоянии вытянутой руки. – О бордюр грохнулся.

– Да, – посочувствовал дежурный, протирая стакан бумажной салфеткой. – «Климатологи» никогда вовремя не сообщают о гололеде. Только когда кто-нибудь сам из них не хлопнется.

– Закусить найдется? – поинтересовался парень, выставляя бутылку на стол.

– Как не быть?.. На работу постоянно с «кусками» хожу. Открыть, что ли? – спросил он, указывая на бутылку.

– А что ж еще с ней делать! – рассмеялся Толкушкин. – Тепло у тебя тут, уютно, связь, – кивнув на телефон, спросил: – Работает?

– А как же!

– Позвонить можно?

– Рубль! – пошутил кочегар, наливая в стакан водку. – Первым выпьешь?

– Пей ты, – отозвался Толкушкин, снимая трубку.

– Через восьмерку звони, – предупредил рабочий. И, скривившись, очень медленно опорожнил содержимое стакана.

Парень, даже не посмотрев на него, цифра за цифрой набирал знакомый номер.

Все, раздался первый длинный гудок. Невольно в ногах зародилась слабость, передаваясь рукам, трубка у уха пришла в движение.

– Эка, как тебя!.. – удивился кочегар, подвигая парню наполненный наполовину стакан. – Вмажь, сразу полегчает.

Виктор кивнул. Он услышал голос Лены: до некоторой степени обезличенный, записанный на пленку автоответчика: «Вы звоните в квартиру Елены Окладниковой. В настоящее время меня нет дома. Вы можете оставить сообщение после звукового сигнала».

Неужели Ленки нет дома? Тогда придется звонить ей на работу.

Автоответчик ждал сообщения. После непродолжительных колебаний Виктор произнес:

– Лена, привет. Если узнала меня, жди моего звонка.

И тут же услышал ее до боли знакомый голос:

– Алло?

Дома... Забыла отключить автоответчик.

Тело стало безвольным, трубка – непомерно тяжелой.

– Лена, это я, Виктор.

Пауза.

– Да я это, не молчи.

То же самое предлагал девушке широкоплечий парень, приставив к ее горлу нож. Второй списывал цифры с экрана определителя.

– Витя! – ее голос прозвучал взволнованно.

Иначе и быть не могло.

– Я, Ленка! Жив, чувствуешь? – Покосившись на кочегара, добавил: – Ноги чуть не лишился.

– Витя... – девушка замолчала.

Толкушкин подумал, что она плачет.

И снова не ошибся.

– Да не реви ты! Срочно приезжай за мной, я продиктую тебе адрес. С тобой-то все в порядке?

«Черт... Этот вопрос надо было задать в самом начале».

Острие ножа еще сильнее вдавилось в кожу девушки, из-под него показалась кровь.

– Да, со мной все хорошо. Куда приехать, Витя?

Она предавала любимого человека, но иначе не могла. Эти двое, что стояли рядом с ней, сломали ее, у них были очень хорошие средства подчинить ее себе. В течение трех недель они не отходили от нее ни на шаг, чувствовали себя в ее квартире как дома, ею пользовались – как вещью, когда хотели.

– Ну вот и молодчина! – обрадовался Толкушкин. – Приезжай в лицей, Олимпийская, 16. Заезжай прямо в ворота, машину поставь возле котельной, я сам выйду. Все, Ленка, целую, жду.

Дежурный кочегар, откровенно удивленный телефонным разговором, с большим интересом посмотрел на неопрятного молодого человека, который не мылся по меньшей мере месяц, забыл, что такое бритва, зубная щетка и так далее... За ним должна приехать подружка на машине! Не иначе она работает водителем на «Ка-700». Или на катке. Слегка захмелевшие мозги выдвинули новую версию: в ворота въезжает подъемный кран, по лестнице спускается крановщица выше среднего возраста и попадает в объятия своего ряженого.

А Елена Окладникова сейчас корчилась на полу. Спинка стула ломала ей горло. Надавливая всем весом на стул, на нее равнодушно смотрел широкоплечий парень. Он раскачивал стул из стороны в сторону, и полированная спинка уже ломала позвонки девушки. Второй в это время скомкал бумажку, на которой был записан номер телефона котельной, и положил ее в карман. Освободил автоответчик от пленки.

Они жили в этой квартире три недели, «наследили», где только можно – и как тут не наследить. Широкоплечий Вадим Ещеркин вылил на кухонное полотенце этиловый спирт, обмотал полотенцем лампочку на люстре, предварительно сняв плафон, и щелкнул выключателем. Оба приятеля быстро покинули квартиру. Они дождались, когда в оконных стеклах квартиры Елены отразились языки пламени, и поехали в сторону лицея. За рулем сидел приятель Ещеркина Олег Качура.

15

Санька, как всегда очень осторожно, оглядываясь по сторонам, прошел мимо центральных ворот, – на территорию профессионального лицея компьютерных технологий, расположенного на Олимпийской улице, 16, ему нужно было попасть с противоположной стороны. Он ловко преодолел заснеженный участок напротив силовой будки и продвинулся еще дальше, к

старой кочегарке, сейчас переоборудованной под склад. Сразу за ней – продолговатое здание новой котельной, вплотную примыкающее к кухне.

Дверь в дренажное отделение днем всегда была открыта, обычно ее закрывали после семи часов вечера. И если до этого времени не попасть туда, то останешься ночевать на улице. Санька один раз опоздал, ему пришлось провести ночь в соседней девятиэтажке возле силовой установки лифта. Мальчик в ту ночь почти не сомкнул глаз, одолевали мысли о больном друге, вдруг он подумает, что Санька бросил его? А когда все-таки проваливался в беспокойный сон, кто-то вызывал лифт, и мальчик усталыми глазами смотрел на барабан лебедки, который сматывал и наматывал на себя стальной трос.

Их убежище было довольно просторным. Плохо только, что обогревалось оно исключительно сверху, от труб парового отопления, проходивших поверх подвального помещения. Бетонный пол всегда был холодным. А еще можно было включать освещение – сбоку от входной двери торчал настенный патрон и выключатель; лампочку Санька купил в магазине. Но включать свет можно было только вечером, когда дежурный закрывал дверь дренажной, иначе через дверные щели можно было заметить свет, проникающий из помещения, которым никогда не пользовались. Вентили на трубах отсутствовали, под склад оно не подходило, слишком неудобный путь для транспортировки – по двум лестничным маршам, в обход насоса и довольно широкого приямка.

Санька никогда бы не догадался, что на территории лица можно найти такое сносное убежище. Он вышел на него чисто случайно. Облавы практически исключались, но все равно друзья постоянно были начеку.

С Витей они были знакомы всего три недели. Парень никогда не распространялся на тему – откуда у него пулевые ранения. На голове рана не очень опасная: содрана кожа, повреждено ухо, – но вот другая рана оказалась страшной: пуля разбила коленную чашечку. Санька нашел парня возле забора лица, земля под ним пропиталась кровью. Он слабел на глазах, делая бесплодные попытки перелезть через забор. Мальчик остановился в нескольких шагах от него, не решаясь подойти, но парень, завидев его, подозвал:

– Эй, пацан... Помоги мне. Зацепило, зараза...

Глаза у Саньки вылезали из орбит от натуги, когда он практически на себе тащил раненого к котельной. Учебный день закончился, на территории лица никого не было, но парень с опаской поглядывал на окна. Мальчик успокаивал его:

– Не бойся, никто не увидит. Вон наша дверь, – указал он рукой. – Пока посиди, я посмотрю, открыта или нет.

Санька осторожно потянул дверь на себя. С еле различимым скрипом она открылась. И он целых два пролета надрывался от непосильного живого груза. Под конец парень, дрожа всем телом, волоча ногу, сам толкнул последнюю дверь и потерял сознание у порога.

Санька не знал, что делать с ним. Первая мысль – сделать перевязку. Как и чем? На улице было холодно, мальчик уже поддевал под брюки хлопчатобумажные тренировочные штаны. Не долго думая он снял их. Они были довольно ветхие, так что порвать их на полоски труда не составило.

Поднять выше колена набухшую от крови штанину не получилось. Санька, расстегнув ремень, стянул с раненого брюки. Мальчик не представлял, какие бывают ранения, а тут его даже затошнило. Превозмогая отвращение и страх, он потянул из раздробленного колена какой-то острый предмет. Ему показалось, что он тащит из ноги пулю. Но это оказался осколок кости.

Парень, застонав, пришел в себя.

– Молодец, – прошептал он, увидев приготовления Саньки. – Перетяни ногу повыше раны. Саму рану не трогай, пусть подсыхает.

Мальчик выполнил указания и молча смотрел на парня. Дверь открыта, через нее струится сумрачный свет.

– Слышь, пацан... Тебя как зовут?

– Санька.

– Меня Витя. Ты где живешь?

Мальчик пожал плечами.

– Здесь.

– Понятно... – кивнул Толкушкин. – Нужно дверь закрыть.

– Да сюда никто не зайдет.

Однако дверь закрыл. Одному куда ни шло, если его обнаружит дежурный кочегар, но вот с раненым... Что ж, придется сидеть в темноте.

Так и прошла первая ночь Саньки и его нового друга. Тот стонал, бредил, постоянно просил пить. Боясь свалиться в приямок, мальчик то и дело спускался по металлической лесенке, набирал в бутылку воды. Вода была грунтовая, чистая, беспризорник сам постоянно пил ее.

К утру парню слегка полегчало, он понял, что продержался эту ночь только благодаря Саньке. И тот не ушел, сидел рядом.

– Санька, я тебя потом отблагодарю. У меня есть деньги, много денег, но сейчас я их достать не могу. И ты не сможешь. Я попрошу тебя, пока я не встану на ноги, быть рядом. Тебе трудно, я понимаю, но мне необходимо выжить. Ты никому не должен говорить про меня. Если узнают, где я, нам обоим хана.

Санька не мог бросить больного человека. Он рассказал Витьке про распорядок работы котельной, когда можно приходиться, когда уходить. Парень нуждался в хорошем питании, и мальчик из кожи лез, стараясь достать побольше денег. А еще нужны были лекарства – обезболивающее, антибиотики, рана постоянно гноилась, видно, попала инфекция.

– Санек, при случае достань хоть таблетки. А хорошо бы трамал или баралгин.

Мальчик запомнил названия.

– А еще какие?

– Да мы из любого выжмем все, что надо. Эфедрин подойдет. Я знаю, что нужно с ним делать.

Витька буквально умирал от боли. Вдвоем с другом они приспособили вместо шины пару дощечек, сделали перевязку, страдания парня стали немного меньше; он благодарными глазами смотрел на Саньку, который самоотверженно выносил за ним нечистоты.

И вот однажды он не сумел прийти. И как же обрадовался Витька, когда на следующий день снова увидел Саньку.

– А я думал, все, бросил меня мой друг.

– Витя, – мальчик приложил к груди руку. – Никогда!

Сказал просто, ведь он-то знает о том, как плохо быть брошенным.

На следующий день их знакомства Санька по просьбе друга позвонил его приятелю, передав ему Витькину просьбу слово в слово:

– Я звоню по поручению вашего друга. Он просил передать, что вчера звонил в Москву. Сказал, чтобы вы поскорее подготовились к приезду москвичей: очистили помещение.

16

Толкушкин, залпом выпив водку, отказался от закуски. Совсем скоро здесь будет Ленка: стройная, красивая, голубоглазая, с полными, манящими губами. И плевать на кочегара, на его обескураженные глаза, когда при нем она заключит Виктора в объятия.

Жаль, с Санькой не успел попрощаться – жив только благодаря ему. Как же его предупредить, чтоб не волновался?.. А пацан расстроится, когда не найдет Виктора в подвале.

Витька привязался к мальчишке, хорошо изучив его за эти долгие дни; а Санька уже считал его своим другом. И Витька, уезжая, поступает не по-товарищески.

Попросить кочегара, чтобы тот передал мальчику, что он уехал? Но тогда откроется убежище, Саньке негде будет ночевать, придется искать другое место для ночлега. А тут неплохо... для тех, кто оказался на Санькином месте. Многие бездомные мечтают о таком... Хотя рано или поздно все откроется и беспризорника выгонят. И Витьке с маленьким другом еще повезло, что все это время никто ни разу не зашел в подвальное помещение, называемое «пустоткой».

Толкушкин задумался: а может...

Точно!

В голосе Виктора просквозило возбуждение:

– Слушай, друг, у тебя есть листок бумаги и ручка?

Кочегар, выпив очередные сто грамм, ответил утвердительно.

– Хочу другу пару строк набросать, – объяснил парень, принимая бумагу и шариковую ручку с обгрызленным колпачком. – По дороге куплю конверт, брошу в почтовый ящик.

Витька торопливо писал:

«Саня! Извини, что так получилось – я уехал. Я тебя очень прошу, поживи пока в нашем подвале, никуда не перебирайся. Скоро у меня будут деньги, о которых я тебе говорил. Я приеду за тобой. Мог бы и сейчас оставить тебе адрес, но сам пока не знаю, где буду жить первое время. Я надеюсь на тебя, друг Санька, и не прощаюсь. Витя».

Толкушкин подчеркнул слова «друг Санька», сложив листок пополам, положил в карман. Торопливо вставая из-за стола, пояснил:

– Братан, я на двор сбегаю.

– Давай, – кивнул кочегар. – Только обойди кругом – и на стену. А то за желтые пятна на снегу начальство нас не хвалит. И мне с лопатой убирать тоже не в радость.

Витька обнадежил его красноречивым жестом.

Он снова почти не чувствовал боли, спускаясь в подвал. Открыв дверь, где они с другом коротали время, парень присел на ящик и покачал головой. Предаваясь воспоминаниям, расправил записку и положил ее на видное место.

С одной стороны, Саньке одному будет легче. С другой – скучать будет парень. Но это ненадолго. Самое главное, чтобы он поверил. Должен поверить. Санька никому не рассказывал о том, что он был воспитанником при войсковой части, но Витьке поведал о своих злоключениях. Сейчас Толкушкин с ненавистью представил себе краснорожего командира части. Ублюдок! Встретиться бы с тобой!

Задумавшись, Витька снял с руки часы и положил их поверх записки. Дорогие часы, полторы тысячи долларов. Но, посидев в задумчивости еще некоторое время, забрал назад: Санька может подумать, что все в записке – вранье, никогда за ним не придет его друг, нет на свете искренности, дружбы, все от начала до конца – обман.

Часы можно было продать и раньше, купив на вырученные деньги лекарства, но Виктор опасался, что мальчик может попасть в неприятности. Откуда у беспризорника дорогие часы? Естественно, украл. Тут и до милиции дело могло пойти. А терять единственного помощника Виктору было нельзя.

Ну все, пора. Не дай бог, кочегар выйдет, а он к этому времени будет выбираться из дренажной.

Придется недельку поваляться в постели, думал он, прежде чем заняться поисками сержанта милиции Зубкова.

Сволочь! – сощурился Толкушкин. А его подруга еще хуже. Если бы Виктор не притворился мертвым, его бы добились. Потом действительно отвезли бы в гараж, чтобы вытащить пули-улики.

Найти сержанта – проще простого. Пусть он даже не Зубков, но зовут его Слава, и работает он, судя по разговору с подружкой, в Октябрьском отделении милиции. Надавить на него – дело техники. Тот сам отдаст деньги, как только увидит перед собой Виктора. Он спросит у сержанта: «Сколько ты потратил?» – и даст еще столько же. Но предупредит: «Не дай бог...» Тот поймет. А скорее всего тот не истратил ни доллара, понимая, что за каждую купюру с него срежут лишний лоскут кожи.

Виктор довольно четко понимал положение Зубкова: не находит себе места, дергается от каждого телефонного звонка, боится всех без исключения прохожих. По идее, он мог избавиться от «дипломата», но должен понимать, что совершит очередную глупость: за это его грохнут, когда придут за деньгами. А так у него есть «смягчающие вину обстоятельства»: да, совершил глупость, но не знал, куда обратиться, где искать хозяина денег; если надо будет, встанет на колени.

А отнести деньги в милицию ему не позволит подруга. Даже подруга тут ни при чем, какой бы стервой она ни казалась, – сам не пожелает сознаться в преступлении.

Витька поднялся на ноги. Ему показалось, что он различает шаги на лестнице. Досадливо поморщившись, сделал шаг к двери.

* * *

Вчера они долго просидели за праздничным столом. Ближе к вечеру пришли еще гости: мужчина с женщиной и с ними девчонка-воображала. Женщину Санька признал сразу: врачаха из больницы. Ее мужа мальчик не знал, но его проницательный взгляд ему не понравился: точно мент, глаза выдают.

А девчонка все время жеманничала, отказалась от торта, сказав что-то о своей фигуре. Санька даже прыснул от такого заявления: вот наивная! А копченую колбасу ела без хлеба: кружок за кружочком исчезали у нее во рту. Вот это скорость! – удивлялся Санька. Видно, дома ее плохо кормят.

Но одной колбасой сыт не будешь, Санька ловил на себе заинтересованные взгляды и заставлял свои глаза смотреть на девчонку снисходительно: мала ты еще. Все уши прожужжала про своего дядю, который был директором обувной фабрики «Сапожок», видимо, гордится им больше, чем своим отцом. Про отца, который бросал на нее хмурые взгляды, она вообще ничего не сказала, словно познакомилась с ним только что, за столом, и ничего о нем не знала. И вообще – что можно сказать про мента? А когда только переступила порог и познакомилась, свое имя произнесла с выражением, нараспев: «Оля».

«Санька!» – отрапортовал бывший курсант. Причем с гордостью. И было чем гордиться: Николай приделал к его куртке красивую эмблему с беркутом, раскинувшим крылья. Не его знак, товарища, который погиб. Санька понимал, что для него большая честь носить эту эмблему. Когда страсти вокруг него улягутся, он обязательно попросит Колю определить его в воинскую часть. Желательно в «Черные беркуты». Знак у него теперь есть, должны сразу принять. И он наденет форму морского пехотинца, будет походить на красивого парня, который улыбался с фотографии на стене.

Как и обещал, Коля рассказал о нем. У Саньки на глаза навернулись слезы: гады, убили Лешку! Фамилию, конечно, не сменишь, но у Саньки будет кличка: «Ремез». Он твердо решил так. Даже поведал об этом Николаю и дал слово.

Потом гости разошлись. Мальчику постелили в большой комнате на диване, приказав закрыть глаза. Он хитро подмигнул Татьяне, снова вогнав ее в краску. И пообещал, что спать будет крепко.

И – уснул как убитый.

Снились пацаны на рынке. «Что, брат с Севера приехал?» Санька не отвечает, только улыбается в ответ. А они, завидев грозную эмблему на его груди, метнулись от него, как от хищной птицы.

А утром он увидел Таню. И испугался ее вида: бледная какая-то! Но потом понял, что она еще не накрутилась. А чуть приглядевшись, уразумел, что так ей даже лучше, какая-то она домашняя стала.

Потом посмотрел на Колю и чуть не рассмеялся. Тоже мне «черный беркут»! Дрыхнет, как потрепанный воробей!

Таня приготовила завтрак, но Санька вчера так наелся, что даже кофе выпил с большим трудом. Затем был немедленно препровожден в ванную чистить зубы. О-о! Насчет зубов он крепко попал, тут за ним будет следить профессионал.

17

От удара, который ему нанес парень в кожанке, кочегар согнулся пополам. И тут же получил еще один, по почкам. Красиво к нему приложились, профессионально, удары хорошо отработанные, глубокие. И вот он слышит повторный вопрос. И почему только он не ответил с первого раза...

– Где он? – спросил Качура.

– Пошел на двор, – еле выдохнул кочегар.

Вадим Ещеркин, бросив на приятеля взгляд, быстро вышел. Через минуту вернулся.

– Никого, – сказал он, покачав головой. – Там есть еще одна дверь. К ней ведут свежие следы и какие-то к-круглые дырки на снегу. – Ещеркин сильно заикался, непроизвольно дергая горлом. – Он с п-палкой? Не молчи, придурок!

– Да, – прохрипел кочегар, рухнув на пол после очередного удара.

– Его заберем с собой, – распорядился заика, кивнув на рабочего.

Качура схватил дежурного кочегара за ворот и поволол к выходу.

Не таясь, они спускались по ступеням. Миновав один пролет, у приоткрытой двери увидели того, за кем так долго охотились.

Побледнев, Толкушкин поспешно отступал – чтобы, закрыв дверь, забаррикадировать ее собственным телом. И вдруг невольно всей массой тела опустился на большую ногу. Боль прострелила до самого мозга, потушив на некоторое время сознание. Но для убийц этого было вполне достаточно. Они, швырнув в помещение полуживого кочегара, уже сами закрыли за собой дверь.

– Привет, Витюша, – поздоровался Ещеркин. – Ты, должно быть, как я, с-стал заикаться. Часто вспоминали про тебя, приятель.

Мысли Толкушкина металась от себя к Елене. Он видел перед глазами ее распростертое на полу тело.

– Где бабки? Не скажешь здесь, разговоришься в другом месте. Но там тебе будет гораздо хуже.

На его голову обрушился сильный удар. Инстинктивно Виктор подтянул под себя лыжную палку. С таким же успехом он мог воспользоваться, как оружием, обгоревшей спичкой.

Ещеркин, проигнорировав его боевую инициативу, читал записку, оставленную Виктором.

– Слышь, Олег, – сказал он, бросив взгляд на приятеля, – у него т-тут друг есть, какой-то Санек. Он в курсе насчет денег. – И недовольно повернулся к рабочему.

У дежурного кочегара под рукой ничего не было, он располагал единственным оружием, своим собственным голосом. И он закричал – громко и пронзительно, чувствуя себя в этом подвале, как в склепе. Все говорило за то, что отсюда он никогда не выйдет.

Качура потянул из куртки капроновый шнур и шагнул к кочегару. Ещеркин, наступив Толкушкину на ногу, потянулся, чтобы забрать лыжную палку.

Витька лежал на полу и смотрел на смерть кочегара. Лицо рабочего набухало на глазах, багровело, язык метался в открытом рту, далеко вылезая наружу. Но вот жертва Ещеркина затихла, дернув в последний раз ногами.

Уже два человека погибли из-за Толкушкина. Хорошо еще, что сейчас Саньки нет, а то бы и его...

Витька вдруг забеспокоился, он снова пропустил вопрос о деньгах, сейчас он неотрывно смотрел на дверь: ему показалось, что она приоткрывается.

Качура невольно посмотрел в ту же сторону. В его руках была лыжная палка с острым наконечником.

* * *

...Осторожно приоткрыв дверь в дренажную, мальчик начал спускаться по ступенькам. Сегодня он как следует накормит друга. В полиэтиленовом пакете колбаса, литровая банка теплых еще пельменей, в пластмассовом стаканчике из-под мороженого – селедка с луком, приправленная подсолнечным маслом, батон пшеничного хлеба; в кармане две пачки «Явы». И Витька простит его за то, что вчера Санька снова не смог прийти. Его жизнь коренным образом изменилась, друг только порадует за него. Он говорил, что потом отблагодарит Саньку, но мальчик не примет даже устной благодарности. И не только потому, что у него теперь есть дом и появились близкие люди.

И какая благодарность? Ну даст Витя ему денег, и что дальше? Деньги есть, но нет крыши над головой, некуда пойти. Пожалуй, с деньгами его жизнь станет обременительней. И Санька даже представил себе: вот он идет по улице, его карманы полны денег, он заходит в приличное кафе, заказывает вкусный обед, выходит, что-то покупает в магазине, по нужде заходит только в платный туалет; но вот смеркается, он прикупает на ужин сладкого, бутылку лимонада и... Вот на этом все заканчивалось, маленький богач укладывается спать на ящики. И ведь не скажешь никому о своем богатстве, вот в чем проблема, тут же навешают по шее, отнимут деньги.

Нет, и без денег плохо, и с деньгами погано. А когда же хорошо?

Вот сейчас Саньке хорошо, и он с улыбкой будет слушать о том, как в очередной раз Витька заведет разговор о благодарности.

Обойдя насос, Санька уверенно миновал приямок и открыл дверь.

Глава шестая

18

На лице Кавлиса застыла обеспокоенность, он то и дело поглядывал на часы. На дворе уже темень, а Саньки все нет. Татьяна не находит себе места, бросая взгляды на телефон. Но куда звонить?

Николай еще раз осмотрел холодильник. Когда он уходил, на разделочной доске лежало около трех десятков пельменей, сейчас на ней только мучные следы. Тарелка с мелко нарезанной селедкой пуста, едва початая утром палка колбасы урезана наполовину.

Санька не смог столько съесть, тем более что перед уходом Николая они плотно пообедали. И еще одна деталь: сегодня утром он открыл блок «Явы», сейчас в нем недостает двух пачек. Маленький сорванец наверняка отправился к другу.

По идее, он мог оставить записку, но это только по идее, такие привычки могут быть просто неведомы ему. И надолго он не мог уйти, квартира осталась практически открытой, только ненадежный язычок замка кое-как фиксировал дверь.

Николай предупредил мальчика, что вернется через два часа, значит, где-то в районе шести часов вечера он должен бы объявиться. Сейчас на часах двенадцать, а его все нет.

Татьяна все-таки подняла трубку телефона.

– Буду звонить в больницы.

Кавлис кивнул: звони. После этого она начнет обзванивать морги, это уже правило.

После двух безрезультатных звонков Николай сам набрал номер телефона брата.

– Дима, это я, Николай.

– Ты позвонил, чтобы узнать, сколько времени? – недовольно произнес Аксенов. – Первый час ночи.

– У нас Санька пропал. Совсем уйти он не мог. Наведи справки по своим каналам, может, задержали его?

После непродолжительной паузы Аксенов ответил:

– Все сделаю, жди моего звонка.

Следователь прокуратуры справился с заданием оперативно: нет, не задерживали никого, кто хотя бы отдаленно напоминал Саньку. За мелкие кражи в Советское отделение милиции доставили двух подростков лет пятнадцати, в приемник-распределитель направлены три человека: две девочки и мальчик, но последний не русский, таджик.

– Я связался с дежурным по городу, – сказал Аксенов, – вся информация стекается в дежурную часть. Он будет информировать меня. Это все, что я смог сделать.

– Спасибо, Дима.

Что могло случиться с мальчиком? Почему он ушел? Может, чем-нибудь обидели? Да нет, он остался дома в хорошем настроении, смотрел телевизор. Причем уселся напротив телеприемника с утра и смотрел все программы подряд. Наверное, раз друг у него больной, что-то случилось с другом, и Санька остался с ним. Да, это на него похоже. Нет, чуть по-другому: может быть похоже. А сам Николай винил себя за то, что не сказал мальчику номер домашнего телефона. Хотя откуда он мог знать, что Санька уйдет из дома...

Три часа... То ли утра, то ли ночи, теперь не разберешь. От Аксенова по-прежнему никаких известий – ни плохих, ни хороших. Знать бы, где Санька обитал со своим другом, все бы проблемы решились. А так, если он ушел совсем, где искать? Конечно, в первую очередь на рынке, но Санька битый парень, на рынок больше не пойдет.

Кавлис, поставив стул напротив Татьяны, сел и взял ее за руки.

– Таня, вспомни, ты дольше меня с ним общалась, может быть, он обмолвился о том, где ночует, а ты не обратила на это внимание.

Женщина покачала головой.

– Нет, Коля, я бы вспомнила.

– Хорошо, давай сделаем так. Сейчас ты дословно вспомнишь и первый разговор с ним, и второй, и третий. Подумай, представь себе нашего беглеца и начинай. А я буду слушать.

Татьяна согласно кивнула, хотя на ее лице лежал отпечаток сомнения.

– Ну, первая встреча была совсем короткой. Я впервые услышала его голос, когда он бежал вслед за мной и кричал: «Женщина! Погодите!» Он вернул мне деньги, я отказалась, он спросил: «Не возьмете?» – и бросил их на землю.

– Так, хорошо. О чем вы разговаривали во второй раз?

– Об этом я говорила Дмитрию Ивановичу, почти дословно передавая разговор. Ты тоже слушал.

– И тем не менее, – настаивал Кавлис.

– Ну, мы поздоровались, и он так иронично заметил, что я рассеянная.

– Как именно?

– Он сказал: «Вы такая рассеянная!»

– Вот в этом духе давай продолжим. Не пересказывай от себя вашу беседу, а в точности повторяй его слова, свои можешь опускать.

– Я предложила ему познакомиться, сказала, что меня зовут Таня. Он удивился: «А лет-то вам сколько?!» Я ответила. Потом сказала, что сегодня хочу поступить честно. «Денег дадите?» – спросил он. Я отвела его в столовую, сказала, чтобы он снял шапку, он отказался: «У меня грязные волосы». Вторую кулебяку он завернул в бумажку: «Другу отнесу, он болеет, не встает». Потом я спросила его о родителях, он сказал: «Мама умерла, а где отец – не знаю».

Николай слушал очень внимательно, с полузакрытыми глазами, представляя себе и Саньку, и Татьяну. Он был настолько сосредоточен, что иной раз ему казалось, что он слышит в голосе женщины Санькины интонации. Но пока зацепиться было не за что.

– «...Если бы я работала в милиции, я бы отвела тебя в участок». Он говорит: «Вам придется в очереди постоять вон за теми», – и указал рукой на патрульных. Я спросила, где он так научился разговаривать. Он сказал: «В лицее». Я напомнила ему, что старше его...

Татьяна осеклась. Она неотрывно смотрела на Николая.

– Коля, мне кажется, он что-то не договорил или испугался.

Кавлис преобразился.

– Стоп! Когда это было?

– Когда он сказал про лицей. На его лице я заметила испуг. Тогда не заметила, а сейчас... Как будто он действительно сболтнул лишнего. Он смотрел на меня... даже не знаю, как это сказать.

– Так, а в какую сторону он пошел, когда ты передала ему трамал?

– В сторону улицы Бориса Полевого.

– Там есть какой-нибудь лицей?

– Честно говоря, не знаю. Но не думаешь ли ты, что он действительно может жить в лицее?

Кавлис покачал головой:

– Пока у меня нет соображений на этот счет. Но это все, чем мы располагаем. Давай дальше, вплоть до того, как я вошел к тебе в кабинет.

Николай снова сосредоточенно слушал. Пока он отбросил мысль о лицее, к ней он вернется позже, а сейчас внимание и еще раз внимание. Порой незначительное слово помогает

найти выход из тупика, дает в руки ту единственную потерянную или недостающую информацию.

Освобождая заложников со своей группой, он требовал полной информации, вникая, казалось бы, в незначительные детали, но именно они порой играли главную роль в выборе того или иного метода. Часто бывало так, что до штурма, последнего (но не главного, как принято это считать) средства спецназа, дело не доходило, переговоры с террористами направлялись в определенное русло, носили правильно выбранный характер и заканчивались без применения силы.

Больше ничего заслуживающего внимания от Татьяны Кавлис не услышал.

Итак, лицей. Может быть, лицей. Сколько их в городе? Открыв телефонный справочник, бывший майор спецназа определил: ровно столько, сколько сейчас на часах – четыре. Областной педагогический лицей, профессиональный лицей компьютерных технологий, политехнический лицей и медицинский. Теперь стоило определиться по улицам. На Бориса Полевого не было ни одного учебного заведения, которые выписал на листок Николай. Некоторую ясность внесла Татьяна, сказав, что медицинский лицей находится практически за городом. А вот в непосредственной близости от рынка находилось сразу два: компьютерных технологий и педагогический. Ближе всех – педагогический.

– Что ты собираешься делать? – спросила Татьяна, прислушиваясь. Ей показалось, что на площадке прозвучали чьи-то шаги. Но нет, по-прежнему тихо.

– Сейчас холодно, – ответил Николай, – бездомные ищут теплые места. В первую очередь – это котельные, отапливаемые подвалы и прочее. Это все, что меня заинтересует в первую очередь. Но сначала я поговорю с пацанами, которые на рынке приставали к Саньке. Вряд ли они что-нибудь сообщат, но за деньги должны разговориться. Это уже сложившаяся категория людей. Да, начну я с рынка. Однако очень надеюсь, что мальчик к утру объявится.

Он пересел на диван, обняв Татьяну, тронул губами пушок под ее ухом. «Все будет хорошо», – прошептал он. Но думал о мальчике. Как ни странно, не о том, что он пропал, а почему он оказался здесь, в его квартире.

В тот вечер, когда они познакомились с Татьяной и она рассказала про беспризорника, Николай невольно вспомнил своих товарищей.

Саша Гвоздев, которого Николай, отстреливаясь от боевиков Безари Расмона, нес на себе, вырос без родителей. Получив страшное ранение в голову, умер на руках у Кавлиса.

Слава Михайлин рано потерял родителей, воспитывался бабушкой и дедом. Погиб в перестрелке с бандитами.

Алексей Ремез отца совсем не помнил, мать умерла два года назад. Год спустя и Леша погиб.

Вспоминал их и представлял себе незнакомого паренька, отчего-то очень похожего на Лешку Ремеза.

19

Двух пацанов на рынке Николай разыскал без труда. Они не сразу узнали его, но, признав, бросились было наутек. Кавлис крепко ухватил одного за руку.

– Не бойся, – успокоил он паренька, – я хочу задать тебе несколько вопросов. Ответишь на них правдиво, получишь за это деньги. Смотри, как в американском кино. Видишь десять рублей – они твои. Договорились?

Сейчас пацана деньги интересовали меньше всего, ноги бы унести от этого прилипчивого человека. Но тут свою роль сыграл случай – срубить без труда десятку. Он немного расслабился.

– Я вижу, ты согласен, – одобрил Николай. – Ты знаешь, где ночует Санька?

– Какой еще Санька? – недовольным голосом проговорил пацан.

– Мы так не договаривались, – напомнил Кавлис. – Я говорю о мальчике, которого вы со своим другом хотели избить.

– Я не знаю, где он живет. Честное слово. Я видел его только на рынке, он постоянно тут ошивается.

– Я верю тебе. Но хоть однажды ты должен был видеть, в какую сторону он уходит с рынка?

– Ну, видел. Туда, – пацан указал рукой в сторону улицы Бориса Полевого. – Вы не думайте, мы ему за дело хотели накостылять. И до этого ему попало. Он побежал в ту сторону, – еще один жест в сторону улицы Полевого.

– А где еще он может подрабатывать, ты не знаешь?

– До этого он пасся на бензоколонке, но оттуда его тоже погнали, все места заняты.

– А где находится эта заправка?

– Да тут рядом, за углом. Больше я о нем ничего не знаю.

Кавлис кивнул. Похоже, паренек не врал и рассказал все. Он дал ему десятку. Пацан принял ее нехотя. Или сделал вид.

Итак, в двух случаях (из двух) Санька уходил в одну и ту же сторону. Причем оба раза торопился: после побоев и как только получил от Татьяны ампулы с обезболивающим. Напрашивался вывод, что в обоих случаях он направлялся в сторону «дома». А как раз в той стороне находились два лица.

Нет, неспроста мальчик насторожился во время разговора с Татьяной; и она вовремя вспомнила, что вид у Саньки был такой, словно он проговорился.

Теперь главная задача: посетить оба лица. Если при них есть подстанции или котельные, поговорить с рабочими, с вахтерами, может быть, кто-то из них вспомнит мальчика, который должен был хотя бы пару раз попасться им на глаза.

Другой вопрос, захотят ли они вообще разговаривать. Удостоверения с тремя грозными буквами на корочках у Николая больше не было, лежит себе в надежном месте в расщелине высоких гор юго-западного приграничного района Таджикистана. Скорее всего так и останется лежать там навечно. Если только судьба снова не забросит бывшего майора спецназа в жаркую страну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.